

Съезд выражает признательность Президенту Республики Казахстан, правительству государства, посчитавшим возможным провести в столице представительный форум трудармейцев военных лет. Участники съезда трудармейцев Казахстана с глубоким удовлетворением отмечают актуальность состоявшегося форума в канун 50-летия Победы над гитлеровским фашизмом. Именно сейчас чрезвычайно важна объективная и всесторонняя оценка так называемой трудовой армии, истинную и горькую правду о которой мало кто знает. *Выписка из Резолюции I съезда трудармейцев Казахстана, 25 марта 1995 г., Алматы.*

>> КАРАГАНДА

Ольга Штейн о трагической истории советских немцев и вопросах ознакомления с ней подрастающего поколения.

>> 2

>> KARLAG

Eine Reise nach Karaganda lohnt sich vor allem durch den dramatischen Einblick in die Brutalität der Historie um das Arbeitslager Karlag.

>> 3, 12

>> СЕМЕЙ

В преддверии 75-летия со дня депортации активисты клуба сеньоров общества немцев г.Семей провели поэтический вечер.

>> 4

>> AUSSTELLUNG

Die Mauer, einst bedrückende Trennwand zweier politischer Systeme, ist heute ein Friedenssymbol. Derzeit trägt sie Bilder des syrischen Kriegs.

>> 6

AKTUELL

АСТАНА: ПЕРВЕНСТВО МИРА ПО ШАХМАТАМ

Столичная шахматистка Динара Садуакасова стала триумфатором молодежного чемпионата мира по шахматам, который завершился в Бхубанесваре (Индия). В первенстве мира среди девушек до 20 лет встретились 57 участниц. На протяжении всего чемпионата Динара занимала лидирующие позиции, набрав 9,5 баллов из 13. Второе место завоевала представительница России, третью строчку – участница из Индии. Интеллектуальная битва продолжалась на протяжении двух недель. Чемпионат проводился шахматной Ассоциацией Орисса университета КИИТ Бхубанесвара под эгидой ФИДЕ по швейцарской системе в 13 туров. Теперь победительницу ждет самый значимый турнир – чемпионат мира среди женщин. Напомним, что Динара Садуакасова занимается шахматами с пяти лет, а уже в восемь к ней пришли первый мировой успех и признание. Сегодня Динара – трехкратная чемпионка мира, трехкратная вице-чемпионка Азии и многократная чемпионка страны. astana.gov.kz

WELTREKORD FÜR РОПОВ

Bei den 15. Paralympischen Sommerspielen, die vom 7.-18. September in Rio de Janeiro in Brasilien stattfinden, tritt auch der kasachstandeutsche Leichtathlet Heinrich Popow für Deutschland an. Bisher holte er insgesamt 27 Medaillen bei den Paralympics, Welt- und Europameisterschaften. Trotz Rio-Vorbereitung verzichtete der unterschrankelamputierte Athlet nicht auf einen Start bei dem integrativen Sparkassenmeeting in seiner Heimat Hachenburg, der vor wenigen Tagen stattfand. In der Disziplin Weitsprung verbesserte Popow dabei seine eigene Bestleistung um fünf Zentimeter, als er auf 6,77 Meter kam und damit einen neuen Weltrekord aufstellte. Der 33-jährige gilt als Spezialist im Sprint über 100 Meter, seine weiteren Startpositionen sind neben Weitsprung 200 Meter und 4-Mal-400-Meter-Staffel. Er ist in Abai, in Kasachstan geboren und kam mit sieben Jahren mit seinen Eltern nach Deutschland. Neben seiner sportlichen Karriere engagiert er sich sozial und absolviert seit 2014 parallel eine Ausbildung als Orthopädietechniker. Er ist einer der bekanntesten deutschen Leichtathleten und gilt oft als Stimme der Paralympier Deutschlands. JB

SOWJETDEUTSCHE

„VON HUNDEN GETRIEBEN“: 75. JAHRESTAG DER DEPORTATION

Deportationen von Einzelpersonen oder ganzen Bevölkerungsgruppen gehören seit jeher zu den dunklen Kapiteln der Menschheitsgeschichte. Die Zwangsumsiedlung, Verfolgung und systematische Vernichtung der Juden durch Hitlerdeutschland zeigte, wie raumgreifend drastische Maßnahmen wirken können, wenn ideologischer Fanatismus zum Kern des Handelns wird. Doch auch deutschstämmige Menschen waren von Deportationen nach Sibirien und Kasachstan betroffen. Am 28. August jährt sich dieses Ereignis zum 75. Mal. Doch wie kam es dazu?

Kai Wichelmann

Der 2. Weltkrieg war das Ereignis im Weltgeschehen, das die Unmenschlichkeit des Faschismus in bisher ungekanntem Ausmaß offenlegte. Rassistische Ressentiments keimten in ganz Europa auf, bedingt durch eine lange Periode des Militarismus, der Konformität und mangelndem Demokratieverständnis. In Deutschland prallten wirtschaftliche Unsicherheit auf die Nazi-Diktatur, ein Nährboden für Hass gegen Minderheiten als scheinbar plausible Erklärung gegen Existenznot. Juden fielen den Notstandsgesetzen und der sich nach 1933 immer weiter verschärfenden Einschränkung demokratischer Grundrechte zum Opfer. Die Nazi-Ideologie, deren Kern die Ausrottung ethnischer Gruppen einerseits sowie die Schaffung eines neuen Lebensraumes war, entpuppte sich endgültig als Gefahr für politische Stabilität, als Adolf Hitler der Welt den Krieg erklärte. Nach einem Blitzkrieg gegen Polen, bei dem die Sowjetunion zunächst noch Koalitionspartner war, sollte eine weitere Ausweitung des Lebensraums im Osten erfolgen. Der Angriffskrieg gegen die Sowjetunion, welcher unter dem Decknamen „Mission Barbarossa“ von langer Hand vorbereitet worden war, wurde am 22. Juni 1941 deklariert und gehörte zu den folgeschwersten Episoden der Kriegsgeschichte.

Russlanddeutsche unter Generalverdacht

Josef Stalin war der Diktator der Gegenseite, seit 1927 absoluter Alleinherrscher der Sowjetunion – und auch er denunzierte sein eigenes Volk mit den Mitteln autoritärer Herrschaftsregimes: Verfolgung, Unterdrückung, Überwachung. Der Krieg führte zunächst zu Erfolgen auf deutscher Seite, erst 1942 sollte sich in der Schlacht von Stalingrad das Blatt wenden. Auch um eine öffentliche Begründung für die Misserfolge der Roten Armee beim Zurückschlagen der

„Trud Arbeitseinsatz im Schneesturm“. Zeichnung von Juri (Günther) Hummel, 2003.

Deutschen zu haben, wurden erste Evakuierungsmaßnahmen gegen Russlanddeutsche in der Sowjetunion ab August 1941 eingeleitet. Vor allem auch, um eine mögliche Kollaboration der Russlanddeutschen mit Nazi-Deutschland zu verhindern.

Rund 800.000 Russlanddeutsche wurden im Zuge des Krieges zwangsweise nach Kasachstan oder Sibirien deportiert. Dort wurden oftmals Arbeitslager errichtet. Neben dem Verlust der eigenen Identität (und damit einhergehenden unmittelbaren psychologischen Nebenwirkungen) durch die Zwangsumsiedlung waren auch körperliche Gebrechen und Todesfälle nicht selten Konsequenzen der inhumanen Deportationen.

Der Stalinsche Erlass über die Deportation der Russlanddeutschen trat am 28. August 1941 in Kraft. Im Hier und Jetzt gerät dieses Kapitel des vergangenen Jahrhunderts oftmals in Vergessenheit. Deshalb erinnern Personen des öffentlichen Lebens

immer wieder an die Deportationsjahre. Die ehemalige Staatssekretärin beim Ministerium für Arbeit, Integration und Soziales, Zülfiye Kaykin (SPD), sagte anlässlich der Feierlichkeiten zum 70. Jahrestag der Deportation der Russlanddeutschen, dass sie „in vielen Gesprächen mit Zeitzeugen (...) einen oft erschütternden Einblick in dieses dunkle Kapitel erhalten (habe).“ Weiter geht darum, Zeichen zu setzen dafür, „dass Vertreibung, Deportation und Zwangsarbeit geächtet werden müssen“. Der Autor Emil Bidlingmeier hat in seinem „Ahnenbuch von Katharinenfeld in Kaukasus“, Interviews und Erlebnisberichte mit Zeitzeugen zusammengestellt, die sehr dichte und ergreifende Eindrücke zu Tage bringen: „Ich kam in das Lager Iwdel-Lag im Ural. Die letzten hundert Kilometer wurden wir mit Hunden zu Fuß durch den Wald getrieben. Dort war tiefer, tiefer Schnee und sonst nichts. Das Lager war leer, als wir ankamen (...). >> Seite 7.

КАРАГАНДА

НАШИ ПЕРВЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

Мои первые уроки по истории немецкого народа начались не в детстве, не в семье, как это часто бывает. Не было длинных зимних вечеров, когда бабушка или дедушка, посадив меня рядом, рассказывали про свое детство и юность, про игры и забавы, горести и радости, про то, что им довелось пережить. Испытав много страданий и научившись молчать, они знали, чем может обернуться нечаянно вылетевшее слово, и боялись причинить вред своим родным и близким. Будучи студенткой факультета иностранных языков, я жалела о потерянной возможности узнать все из первых уст, расспросить, проникнуться, разделить горесть незаслуженных обид.

На презентации о немцах Карагандинской области.

Ольга Штейн, координатор ViZ-Караганда

Эта мысль долгое время не давала мне покоя. Я смотрела на подрастающую дочь и думала, когда можно будет поведать ей о том, кто мы и откуда. Как рассказать ей о такой, в общем-то, недавней истории. Я пристально следила за спорами на просторе Интернета и размышляла, должны ли существовать запретные темы в разговоре взрослого и ребенка и нужно ли подождать более старшего возраста?

Кукла Софи

Как все девочки, моя дочь София любила играть в куклы. Они были разные, на любой вкус и размер, но была любимая, подаренная бабушкой. Мы часто разыгрывали с куклой разные истории, то она была у нас королевой, то маленькой непослушной девочкой. И вот однажды наша кукла превратилась в бедную немецкую принцессу, которую тоже звали Софи и которая из Германии приехала в далекую страну Россию, где ей дали новое имя, она вышла замуж за принца и вскоре стала царией Екатериной.

Софи, будучи немкой, говорила только на немецком, и моей дочери приходилось учить ее русским словам. Принцесса не сразу справлялась с русскими словами, стишками и песнями, коверкая их и произнося на немецкий манер. София терпеливо учила непослушную принцессу. А та в свою очередь учила Софию, как быть трудолюбивой и аккуратной, делать все вовремя и не лениться. Она рассказывала ей на ночь немецкие сказки и истории про свою далекую немецкую родину.

Моя дочь постоянно ждала чего-то нового от своей куклы. Я сшила Софи длинное пышное платье как у царицы, и мы стали играть с ней в кукольный театр, разыгрывая разные истории и познавая новый мир российских немцев. В какой-то момент в понимании дочери сложилось, что все девочки немки, и однажды она спросила меня: «Мама, ты – немка, Маша – немка, я – немка, а бабушка – русская. Почему? Она ведь тоже девочка».

Мама, а зачем мне помнить о войне?

Этот вопрос, заданный моей дочерью в начале второго класса, заставил задуматься. Можно ли и нужно ли говорить с ребенком о войне? Как рассказать о

нашей противоречивой истории? Оказалось, что в городе был объявлен конкурс компьютерных презентаций к 70-летию окончания Великой Отечественной войны, и детям было предложено ответить на вопрос «Зачем мне помнить о войне?».

История практически каждой карагандинской семьи связана с войной, и по большей части с выселением, репрессиями, ограничениями прав и свобод, окончание которых, как правило, не совпадало с датой завершения войны. Я подумала, что этот конкурс – очень хороший повод приоткрыть дочери занавес истории семьи на примере ее прадедушек. Мы удобно устроились у моих родителей и начали разбирать старые фотографии, архивные справки и документы, рассказывающие о нелегкой судьбе наших предков. Почти каждое слово было новым, непонятным. На меня посыпалась куча вопросов: «Мама, а что такое товарный вагон? Депортация? А что такое трудармия, барак и нары? Кто такие эвакуированные? А почему ему нельзя было ездить в другой город? Почему и после войны они должны были так тяжело работать? Что значит реабилитирован?»

Мы ездили с ней на вокзал и смотрели на товарные вагоны, брали в руки карту и рисовали путь депортированного из Сталинской области прадедушки с семьей. Потом я нашла иллюстрации известного карагандинского скульптора Гюнтера (Юрия) Гуммеля из альбома о депортации и трудовой армии. Мы долго их рассматривали и представляли, что испытывали люди, изображенные на этих рисунках. Я выборочно читала ей воспоминания Гюнтера Гуммеля о работе в трудармии, несколько адаптируя текст под возраст дочери и немного смягчая, опасаясь за еще неокрепшую психику ребенка. Особенно бурно она реагировала на описание условий жизни в бараке трудовой армии и отношении к изнуренным бедолагам в рассказе Герольда Бельгера «Трудармейцы».

Вся информация вылилась в презентацию «Лица войны», повествующую о нелегкой судьбе двух прадедушек Софии. Работа была признана одной из лучших и опубликована в сборнике наиболее удачных проектов конкурса. С ней же София выступила на первой в ее жизни школьной научно-практической конференции и заняла первое место среди классов

Перед зданием управления Карлага.

начальной школы. Но самый главный результат – это первое знакомство с историей семьи.

Бешбармак, куксы, блины и штрудели

Очередной классный час в гимназии обещал быть необычным. Придя вечером из школы, София заявила: «Мама, я должна на классном часе рассказать о немцах. Адель о татарах, Максим о корейцах, Лика о китайцах, Маша о русских». И она перечислила еще некоторых детей из класса, представляющих самые разные национальности. Дочь обещала, что принесет в школу штрудели, Максим принесет куксы, Жангир бешбармак, Маша блины, а Адель чак-чак. Понимая, что кушать в школьных условиях штрудели, бешбармак и куксы не особенно удобно, она с трудом согласилась на кребли. Скооперировавшись с подружкой дочери Алисой, у которой мама тоже была немкой, мы начали подготовку к докладу.

Немцы в Карагандинской области многие десятилетия являлись третьей по численности этнической группой. Они внесли вклад в развитие самых разных отраслей промышленности, оказали влияние на развитие сельского хозяйства, медицины, образования и культуры. Одно лишь упоминание о единственном в Советском Союзе немецком драматическом театре, долгие годы работавшем в Темиртау, показало обем докладчикам интересной и познавательной информацией.

Девочки тщательно готовили презентацию и доклад. Решив вначале проверить знания своих сверстников, они задали им вопрос «Как вы думаете, как и когда немцы попали в Казахстан?» Последовали всевозможные ответы, такие как: «Немцы приехали на велосипедах», или «Они остались после войны, когда были разгромлены...» Для многих детей было неожиданным, что, оказывается, город Темиртау – это бывший поселок Самаркандский, основанный в самом начале XX-го века немцами переселенцами. Девочки рассказали и о самом трагическом периоде жизни немецкого народа: о депортации, трудармии, которая была и в Караганде, о многочисленных смертях, командатуре. И о том, что многие казахи их хорошо приняли, помогли всем, чем только могли.

Особое место в выступлении было отведено вкладу немцев в развитие города и области. На конкретных примерах они

иллюстрировали то весомое значение, которое имела трудовая деятельность немцев для региона. Кто открыл ряд месторождений Карагандинского угольного бассейна, которые обеспечивали город и всю страну важным топливом? Леопольд Думлер, геолог, дважды лауреат Государственной премии СССР, много лет возглавлявший «Казгеологию».

Кто воздвиг в центре города, пожалуй, один из самых величественных в Советском Союзе монументов Ленину и создал памятник первооткрывателю угля – пастуху Аппаку Байжанову? Скульптор Гюнтер Гуммель. Кто стоял у истоков формирования изобразительного искусства Карагандинской области? Целая плеяда художников-немцев, среди которых Владимир Эйферт, художник, искусствовед, до войны возглавлявший Государственный музей изобразительного искусства им. Пушкина, а после депортации работавший обычным художником-декоратором в клубе при шахте им. Костенко. Для Софии и Алисы подготовка к классному часу стала увлекательным путешествием в немецкий мир Карагандинского края.

Девочка Эмма и ее мама

Совсем недавно мне представилась возможность в очередной раз съездить в Музей памяти жертв политических репрессий поселка Долинка – центр Карагандинского исправительно-трудового лагеря. И снова я задалась вопросом: стоит ли взять дочь? Не рано ли? Ведь ей всего десять лет. Многие меня отговаривали от этой затеи, предполагая, что она еще мала и это слишком большая нагрузка для детской психики. Наверное, стоило все же прислушаться.

Понимая, как много информации обрушится на малоподготовленного к теме репрессий ребенка, я принялась за поиски подходящей детской художественной литературы. Неожиданно мне в руки попала книга Нелли Коско «Судьбы нетканое полотно». Первая часть, как мне казалось, как нельзя лучше подходила для этого возраста.

Удобно устроившись на диванчике, мы каждый вечер читали несколько страниц трилогии. Уже с первых минут София погружилась в мир маленькой сверстницы Эммы, репатрированной вместе с мамой после окончания войны из Германии в небольшую русскую деревню далекого и холодного севера. >>

KARLAG

DOLINKA – EIN DENKMAL FÜR DEN SCHRECKEN

Durch das traurige Schicksal von Tausenden von Zwangsdeportierten Menschen kann man in den Gemäuern des Zwangsarbeitslagers Karlag in Karaganda schweifen. Das tat auch unser Autor.

Paul Toetzke

Mitten in der Steppe, etwa 50 km entfernt von Karaganda, liegt der Ort Dolinka. Ein paar dunkle Rauchschwaden aus den umliegenden Kohlefabriken liegen am Himmel. Blockbauten gibt es hier keine, stattdessen kleine, einstöckige Häuser mit bunten Fensterläden und verzierten Fassaden. Hinter Blechzäunen verstecken sich blühende Gemüsegärten, ein paar Sonnenblumenpflanzen ragen herüber. Zwei ältere Frauen schieben ihre Fahrräder über eine Seitenstraße, vor dem Dorfaden unterhalten sich ein paar Männer. Es herrscht Dorfcharakter. Etwas dahinter weist ein Schild in drei Sprachen auf das örtliche Museum hin.

Dolinka, der kleine idyllische Ort mit den vollen Gemüsegärten und bunten Häuschen, steht für das dunkelste Kapitel der Sowjetunion. Für den Schrecken und Terror des Stalin-Regimes. Von hier aus wurde eines der größten und wichtigsten Zwangslager des Gulags der Sowjetunion verwaltet, das Karlag. Man nimmt an, dass hier zwischen 1931 und 1959 mindestens eine Millionen Menschen untergebracht waren – Frauen und Kinder mit eingeschlossen. Viele von ihnen fielen den schrecklichen Bedingungen zum Opfer. Das ehemalige Verwaltungsgebäude dient seit 2012 als Museum. Eindringvoll erzählt es auf drei Etagen vom Leben im Lager, den Deportationen und dem Weg Kasachstans in die Unabhängigkeit. Fast 20.000 Besucher waren im letzten Jahr hier.

Bereits im Eingangsbereich wird klar, dass hier nichts beschönigt werden soll. Ein zerbrochenes Jurtendach symbolisiert den Widerstand der lokalen Bevölkerung gegen den Terror, darüber eine weiße Taube für die Freiheit. Gleich dahinter kann man Stalin direkt in die Augen schauen. Davor steht ein von Stacheldrahtzaun umgebener Wachturm. „Egal wo sie stehen, Stalin guckt sie aus jeder Perspektive an. Probieren Sie es aus“, sagt die Führerin. Man soll

Diese Installation symbolisiert die staatliche Überwachung. Stalin hat einen immer im Blick.

sie spüren, die Überwachung, die totale Kontrolle. Im Hauptgang sind verschiedene Zeitzeugnisse ausgestellt – Briefe, Tagebucheinträge, Befehle. Auf einer Karte kann man das gesamte Gebiet des Lagers betrachten. „Etwa 200 km lang und 300 hoch“, erklärt die Führerin. Erst jetzt wird einem die Dimension etwas klar.

Im Erdgeschoss wird man von rotem Licht und schauriger Hintergrundmusik verfolgt. In verschiedenen Themenräumen wird der Besucher über die Anfänge der Sowjetunion in Kasachstan informiert. Kollektivierung, der Holodomor, die große Hungersnot Anfang der 30er, die nicht nur die Ukraine, sondern auch Kasachstan betraf, und die Deportationen verschiedenster Nationalitäten unter Stalin. Deutsche, Koreaner, Polen und viele mehr – sie alle wurden zu Staatsfeinden deklariert.

КАРАГАНДА

НАШИ ПЕРВЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

>> Она вместе с ней переживала первые дни пребывания в чужой для нее среде, несправедливые оскорбления и до боли обидные слова, невыносимый голод и холод, отсутствие теплой одежды, неожиданное столкновение с голодным волком один на один, еще довоенный расстрел ее отца как врага народа и многое-многое другое. София до слез хохотала над некоторыми курьезными открытиями Эммы и искренне сопереживала ее горестям, интересовалась забавами детей.

Дойдя до эпизода, где говорилось о невыносимо трудной доле женщин на лесоповале, я заметила, какая она стала серьезная и задумчивая, сказала: «Мама, вот бы я им показала, я бы им показала», от бессилия жвав кулачки. А когда в известном направлении увезли маму Эммы, София беспрестанно выпрашивала: «Мама, а ведь она вернется?» Одно из наиболее сильных впечатлений на дочь произвела сцена, когда в бараке умирал дед Кольберг. Понимая, что смерть совсем рядом, изнуренный старик попросил свою дочь найти для него хоть немножечко хлеба. Откусив маленький кусочек, он так и умер, не успев даже разжевать. И потом в общей суматохе этот кусочек исчез из его рта. София не сразу поняла причину исчезновения, а после моего объяснения оторопело посмотрела на меня и тихо произнесла: «А у нас есть все: и холодильник, и компьютер, и много еды...». На следующий день она серьез-

Фото предоставлено автором

Wegen Stalinschen Kollektivierungsmaßnahmen starben zwei Millionen Kasachstanern durch Hungersnot.

Dazwischen immer wieder Fotos der Insassen und ihrer Familien. Denn deportiert wurden auch die Familienangehörigen der Volksfeinde. Etwa 1500 Kinder sollen im Lager geboren worden sein. Doch die Führerin betont immer wieder, wie schwierig es ist, genaue Zahlen zu nennen. Die meisten Informationen basieren auf Aussagen von Zeitzeugen, ihren Dokumenten – so wie zum Beispiel das Buch Der Archipel Gulag des berühmten sowjetischen Dissidenten Solschenizyn – und hinterlassenen Lagerbefehlen.

Im Keller kann man die Zellen der Insassen besichtigen. Viele Ausstellungsstücke wie die Türen, verschiedene Möbel und Geschirr sind Originale. „Stellen Sie sich vor, in so einer Zelle mit fünfzehn weiteren Männern zu wohnen“, sagt die Führerin. Man möchte sich es nicht ausmalen. Sie führt

lo центром Карлага. Посередине самого обычного села возвышается помпезное здание в стиле сталинского ампира, построенное руками заключенных. Именно отсюда осуществлялось управление всем Карлагом, чья территория с многочисленными отделениями прешагала площади многих современных европейских государств.

Благодаря экспозициям трех этажей музея создается собирательный образ репрессивной махины 30-50-х годов прошлого века. Богатая коллекция, уникальные документы и материалы, личные вещи заключенных, картины, фотографии, множество словно живых восковых фигур, скрупулезно восстановленные бараки с нарами, допросная, карцер, медицинский лазарет, исследовательская лаборатория ученых Карлага, пыточная, расстрельная стена и многое другое погружают в жуткую атмосферу того времени. Перед Софией, словно живой, предстал тот товарный вагон, в котором перевозили депортированные народы, немецкая библия, тайно вывезенная и пронесенная через все годы репрессий. А в зале, посвященном депортации народов в Казахстан, она надолго остановилась перед экспозицией, где в виде восковых фигур были изображены мама и девочка

Эмма и ее мама. Только мама такая

einen weiter ins Verhör- und Folterzimmer. Verhörzonen aus verschiedensten Filmen schießen einem in den Kopf. An der Wand hängt ein Originalfoto mit einem Vernehmungsoffizier bei der Arbeit, auf dessen Basis der Raum nachgestellt wurde. Im ersten Stock kann man die Arbeit im Lager nachverfolgen. Dieser Teil soll dem Besucher auch zeigen, dass Verhaftungen jeden treffen konnten – egal wie bekannt und wichtig die Person sein mochte. Dichter, Nobelpreisnominierte, berühmte Künstler – das System machte vor niemandem Halt.

Und trotz der schrecklichen Bedingungen im Lager kam es zu Erfindungen und technischen Entwicklungen, von denen die Führerin nicht ganz ohne Stolz berichtet. Da gibt es eine besondere Lampe, die Arbeiter vor Krankheiten schützt, extralange Sonnenblumen und übergroße Wassermelonen. Sogar ein eigens eingerichtetes Chemielabor kann man besichtigen. Im Zimmer nebenan befindet sich das Büro des Kommissars, weiträumig, und sogar mit Fernseher und Radio ausgestattet. Für diese Zeit bemerkenswert. Von seinem Balkon aus konnte er die gesamte Umgebung überblicken. Insgesamt gab es 11 Kommissare zwischen 1931 und 1959. Das Wohnhaus des Kommissars steht noch heute, nur eine Straße weiter. „Zu verkaufen“ kann man an einem der Fenster lesen. Es ist nicht das einzige Haus in der Gegend, das solch eine Beschriftung trägt. Gebaut wurden die Gebäude von den Gefangenen. Tatsächlich lebten Täter und Opfer nach der Schließung des Lagers jahrelang Tür an Tür, nicht nur in Dolinka. Heute sind die meisten in ihre Heimat zurückgekehrt oder verstorben.

Das Ende des Rundgangs markiert ein Zimmer im Erdgeschoss. Im Kontrast zu den rotbeleuchteten Zimmern des Stalinterrors ist es ganz in Blau gehalten und präsentiert Kasachstans Weg in die Unabhängigkeit. Kasachstan als multiethnischer Staat, in dem jede Nation seinen Platz finden soll. ■

постаревшая». Двухчасовая, довольно сложная для детского восприятия экскурсия подошла к концу. Временами детям становилось совсем неинтересно. В речи экскурсовода через одно были слова, затруднительные для детского понимания: «голодомор, канибализм, чекисты, НКВД, духовенство...». Объяснить же все непонятное по ходу было просто невозможно. А как было бы замечательно, если бы музеем с его удивительной коллекцией предлагала доступные для детей экскурсии, пусть не по всему комплексу, а выборочно, соответственно возрасту и возможностям восприятия информации. И не было бы того страшного утомления и какого-то опустошения, с которым моя дочь приехала домой.

Вечером она долго не могла уснуть и провела тревожную ночь, постоянно просыпаясь и что-то бессвязно и взволнованно бормоча во сне. Несмотря на все мои попытки подготовить ее, она все же была еще не в состоянии на эмоциональном уровне воспринять увиденное и услышанное. А не соответствующая данной возрастной группе экскурсия не дала возможность правильно понять и запомнить исторический материал.

С того дня прошли недели. Отчетливо понимаю, что с детьми обязательно нужно проговаривать и обсуждать разные темы, в том числе и темы репрессий. Но вот с какого возраста начинать и как это делать, остается для меня открытым вопросом. ■

PERSÖNLICHKEITEN

ICH WURDE AN EINEM SCHÖNEN ORT GEBOREN, ABER DAS SCHICKSAL WOLLTE ES ANDERS...

Julia Schdanowa, mit Mädchennamen Walter, ist eine bemerkenswerte Frau. Trotz ihres ansehnlichen Alters – sie ist 89 Jahre alt – kommt sie immer wieder gerne ins Deutsche Haus in Almaty und nimmt stets an zahlreichen Veranstaltungen teil. Ohne Gram und Reue erzählt sie von ihrem Schicksal. Nachdem sie ihre Jugend in den verschiedensten Ecken der Sowjetunion verbracht hatte, verschlug es sie nach Alma-Ata, in die Stadt, in die sie sich schlussendlich verliebte und in der sie ihre Heimat fand.

Olesja Klimenko

Übersetzung: Sabrina Kaschowitz

„Ich wurde am 22. Dezember 1926 an einem schönen Ort geboren, in Sewastopol, wo ich bis zum Jahre 1941 lebte. Wir lebten gut, aber das Schicksal wollte es anders. Als ich 13 Jahre alt war, brach der Krieg aus und die Deportierung der Deutschen nahm ihren Anfang. Da wir in der Nähe des Meeres lebten, wurden wir auf dem Schiff verbracht, zuerst nach Batumi, wo wir ungefähr fünf Monate auf einer Teeplantage arbeiteten. Dann wurden wir nach Sibirien verschickt, es ging auf dem Ob per Schiff nach Nowosibirsk und dann mit dem Ochsenwagen weiter nach Barnaul. Dort wurden wir in Baracken aufgeteilt, und obwohl ich erst 14 Jahre alt war, kam ich ins Werk Nr. 662, welches zwei Etagen hatte und keinen Namen besaß, nur die Nummer.

Es gab viele Kinder. Die Frauen in der Zeche in der unteren Etage strickten Mützen für die Panzersoldaten, während wir Kinder in Scharen im oberen Stockwerk saßen und den fertigen Mützen Zubehör wie Ohrenschützer verpassten. Wir arbeiteten nur sechs Stunden am Tag, mehr war uns nicht erlaubt. Nach der Arbeit liefen wir sofort zu den Baracken, wo man uns 300 Gramm Brot ausstellte. Wir mussten stets Hunger leiden. Die Erwachsenen arbeiteten 16 Stunden am Tag.

Erst 1956 war es den Deutschen erlaubt wegzuziehen. Auf die Krim wollte ich nicht, daher entschied ich mich, in den Kaukasus zu gehen, denn ich konnte mich noch sehr gut an das duftende Aroma der Teeplantagen erinnern, an die Stadt Batumi und an das

Bild: Olesja Klimenko

Julia Schdanowa, mit Mädchennamen Walter.

Schwarze Meer. Ich sprach mich mit anderen Mädchen ab, und wir fuhren gemeinsam und nahmen uns dort zu dritt ein Zimmer bei Einheimischen – die Adscharen sind ein erstaunlich gastfreundliches und gütiges Volk. Sie waren sehr freundlich zu uns und ließen uns oft ihre Maisfladen probieren. Teeblätter sammelten wir nur zwei Monate im Jahr, im Mai und im September, wenn alles abblühte. Ich erinnere mich gut an die geradlinigen Prade der Plantage – auf der einen Seite ging die Georgierin Lamara – ein gutes Mädchen – auf der anderen Seite ich. Lamara sammelte die Blätter sehr vorsichtig, aber langsam, während ich schnell pflückte, damit ich mehr Geld verdienen konnte. Der Brigadier Otari

schimpfte immer mit mir: „Julia, was machst du da? Schau, wie brav Lamara ist, so sorgfältig, wie sie arbeitet.“ Am Ende des Monats, wenn wir zur Auszahlung zum Buchhalter gingen, bekam ich immer mehr Geld als Lamara, und sie war immer sehr betrübt deswegen. Ich tröstete sie und scherzte: „Lamara, du bist jeden Tag vom Brigadier gelobt worden und ich gerügt, jetzt bin ich einfach mal an der Reihe.“ Das Geld, das wir verdienten, legten wir in eine Sparbüchse, aus der wir immer wieder Kopeken herausnahmen, damit wir uns Essen kaufen konnten.

1958 stand ich brieflich mit meinen Eltern in Verbindung, die nach Alma-Ata gezogen waren und dort in einer kleinen

Familienwohnung lebten. Mama konnte nicht lesen und schreiben, war aber sehr religiös; sie starb mit 70 Jahren. Papa arbeitete sein ganzes Leben lang unter schwersten Bedingungen; er starb drei Jahre nach meiner Mutter.

In Alma-Ata fand ich Arbeit als Kassiererin im Lermontow-Theater, 1964 bekam ich meine Wohnung, in der ich bis heute lebe. Ich heiratete Alexander Hamburg, der ebenfalls im Theater arbeitete. Er war großartig, aber ein Lebemensch, der viel um die Häuser zog. Drei Jahre nach unserer Hochzeit wurde er als begabter Ziehharmonikaspieler in die DDR eingeladen. Er wollte, dass ich mitkam, ich aber wollte Alma-Ata nicht verlassen.

1972 heiratete ich Anatoli, mit dem ich nun schon mehr als 40 Jahre zusammenlebe. Es ist verblüffend, dass wir beide aus Alma-Ata sind, uns aber in Dschambul kennenlernten: Er arbeitete für die Firma „Kaz-elektromontasch“ und war auf Dienstreise in Dschambul, während ich das Theater zu einer Gastvorstellung begleitete.

Auch Anatoli hatte ein schweres Schicksal hinter sich, da seine Familie zur Zeit der Revolution über Aschchabad aus dem Land flüchten musste. Er und seine Familie waren lange heimatlos und lebten unter schwierigen Bedingungen, bis Stalin ihnen die Rückkehr in die Sowjetunion erlaubte. Sie ließen sich erst in Omsk nieder, danach zogen sie in die Hauptstadt.

Ich bin sehr dankbar, dass mich das Schicksal zu so einem außergewöhnlichen Menschen wie Anatoli geführt hat. Er ist wirklich großartig, und ich durfte mit ihm alt werden. Was will man mehr...“ ■

ОСЕНЬЮ

Закружился листва хоровод,
И деревья, грустя, зашумели
От предчувствия близкой зимы,
От морозов и вьюжных метелей.

Я по скверу неспешно пройду
И из листьев составлю букет,
И на память себе сохраню
Этот осени поздней привет.
Что год грядущий нам готовит?
Скорей удачу, но с условием:
Не гнать событий колесницу,
Не отвлекаться, не лениться.
Иметь терпение в достатке
Смьт эгоизм железной хваткой,
И розой алою любовь
Тогда наградой будет вновь.

Судьба

За окном – колокольчики ландыша,
А судьба все никак не ладится
И бреду я тропой нехоженой,
Мною только что и проложенной.
Сквозь крапиву иду, сквозь бурьян,
Не боюсь ни ожогов, ни ран,
Крест несу хоть тяжелый, но свой,
И не нужен мне легкий чужой.
Валентина Харченко

Моему любимому ансамблю

Девчонки – так мы обращаемся друг к другу,
Когда нам надо о домашнем рассказать.
И отвечаем: „Да, конечно, буду“,
Когда нам говорят, что надо выступать.
И вот уже наброшен план мероприятия
И мы спешим туда, где быть должны.
Для нас уж нет других занятий,
Как только наши песни от души.
И мы не знаем, что такое скука,
Все потому, что дома не сидим
И для нас всех такая мука,
Если куда-то не спешим.
И рады мы всегда, и нам
Превыше всякой похвалы
От зрителей услышать в адрес наш:
„Девчонки, bravo! Молодцы!“
Елена Колтунова

ZWEITER WELTKRIEG

SOWJETDEUTSCHE IM GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEG UND IHR BEITRAG ZUM SIEG

Das Jahr 2015 stand ganz im Zeichen der Gedenkfeier „70 Jahre Sieg über den Nationalsozialismus“: Zeitzeugen erinnerten sich an die entsetzliche Zeit vom 22. Juni 1941 bis 9. Mai 1945, in der die Sowjetunion um Leben und Tod gegen die Nationalsozialisten kämpfte. Seite an Seite mit anderen sowjetischen Nationalitäten haben die Sowjetdeutschen alles für den Sieg gegeben – sowohl an der Front als auch im Hinterland.

Swetlana Jasowskaja

Übersetzung: Sabrina Kaschowitz

Erinnerungen an schwierige Zeiten (am 8. Mai 1980 veröffentlicht)

Der Sergeant Peter Benzler war im ersten Kriegsjahr an der Front tätig – und musste viele bedrohliche Situationen meistern. Jeder seiner Tage an der Front, sogar jede Stunde des Jahres 1941 könnten jeweils volle Kapitel in einem dicken Roman füllen. Seine Wege als Verbindungssoldat führten Benzler durch die Gebiete südwestlich und nördlich der Städte Brjansk, Smolensk, Orjol. Von Sommer bis Anfang Winter 1941 fand hier eine der schlimmsten Perioden des Großen Vaterländischen Krieges statt, da unsere Soldaten nach einem erbitterten Kampf gezwungen waren, sich zurückzuziehen.

Seine Feuertaufe erhielt Benzler am 22. Mai im westlichen Teil von Brjansk, genau einen Monat nach Kriegsbeginn. Das war an jenen Tagen, an denen Hitlers Soldaten in den Osten einmarschierten und an denen ihnen bald schon ihre eigene, von ihnen hochgelobte Blitzkrieg-Taktik zum Verhängnis werden sollte.

Nie wird Benzler diesen Kampf vergessen, in dem der Feind an Zahl und Kriegstechnik weit überlegen war. Mit ihren Schützenpanzerwagen, Batterie-Haubitzen, Maschinengewehren, Granatwerfern und Sturmgewehren verübten die Nationalsozialisten eine Attacke nach der anderen. Es schien, als ob die Erde brannte und der Himmel weinte. All dies hielt die Sowjetsoldaten jedoch nicht davon ab, standzuhalten und jeden Zentimeter ihrer Heimat zu verteidigen.

Sergeant Benzler verlor viele seiner Kriegskameraden, Freunde und Landsmänner, so auch Igor Talapow und Karl Bauer; er ließ sie gemeinsam am Rande eines Birkenhains begraben.

Es war ein hoher Preis, den die Sowjets für den langersehten Sieg bezahlen mussten.

FLUCHT

MEINE GESCHICHTE: LAUFEN, LAUFEN, LAUFEN

Maria Gliem aus Frauenwaldau, dem heutigen Bukowice in Polen, hat einen Teil ihrer Kindheit als Vertriebene verbracht. Ihre Flucht führte sie nach Hessen, wo vor 70 Jahren die ersten Heimatvertriebenen ankamen. In ihrer heutigen Heimat trägt Gliem dazu bei, dass ihre Erinnerungen an die Zeit in Polen und die Flucht nicht in Vergessenheit geraten. Aus diesem Grund hat sie ihre Geschichte aufgeschrieben. Die DAZ veröffentlicht mit ihrer Erlaubnis Auszüge aus ihrer Niederschrift.

Maria Gliem

[...] Am 25. Juni 1945 hatten wir und Frenzels das Gepäck schon aufgeladen, da fing es an zu regnen. Also blieben wir noch einen Tag länger dort. In der Nacht darauf kamen Zigeuner in das Dorf, ausgerechnet in unserem Garten ließen sie sich nieder.

Mitten in der Nacht hörten wir einen lauten Knall und eine Frau schrien jämmerlich. Sie war auf eine Miene getreten und hat dabei ein Bein verloren. Wir hatten drei Wochen in diesem Garten gespielt. So hatten wir wo so oft einen Schutzengel gehabt, auch in Anbetracht dessen, dass den Frauen nichts geschehen war, zumal die Kommandantur ganz in der Nähe war. Am 26. Juni 1945 wollten wir nach Osten. Drei Kilometer hatten wir schon geschafft, da kam uns ein riesiger Flüchtlingstreck entgegen. Die Polen jagten alle Deutschen, die noch in der Heimat waren oder zurückgekehrt waren, wieder in Richtung Westen.

Schlesien wurde nun von den Polen besiedelt, die von den Russen vertrieben worden waren. So mussten auch wir wieder

Quelle: wikipedia.org

Das Grab des unbekanntenen Soldaten in Moskau steht symbolisch für alle im Krieg Verschollenen und Gefallenen.

„Der erste Kampf war doch bestimmt Ihr schwierigster?“

Benzler antwortet nicht sofort, zögert einen Moment und sagt dann: „Nein, später kamen noch viele Situationen, die viel brenzlicher waren. Aber eines ist sicher: die psychisch belastenden Situationen waren die härtesten...“ Als Kommandeur der Verbindungseinheit hatte Peter Benzler die Aufgabe, dringende Nachrichten an den Regimentstab weiterzuleiten. Dabei erteilte er Befehle an 13 ihm unterstellte junge und unerfahrene Soldaten.

Einmal führte ihn sein Weg durch feindliche Positionen. Er konnte sich nur auf einem schmalen Streifen entlang einer Eisenbahnstrecke fortbewegen – fliehen war unmöglich, da er weiter links auf feindliche Positionen ziehen würde und sich rechts undurchdringliches Moorland erstreckte. Im Mitternacht setzte sich Benzler auf sein Pferd und ritt sechs bis sieben Kilometer, bis er die Eisenbahnstrecke erreicht hatte und sich von da an langsam fortbewegte, damit das Getrappel der Pferde-

hufe nicht zu hören war. Er hatte schon zwei Drittel des gefährlichen Weges hinter sich, als in seiner unmittelbaren Nähe plötzlich ein lauter Ruf ertönte: „Stehenbleiben!“ Und genau in diesem Moment gab er dem Pferd ohne zu überlegen die Sporen, warf sich nach vorne und ritt im Zickzack in Richtung der Desna davon. Auf ihn wurden Schüsse abgefeuert, rechts und links von ihm explodierten Minen, während sich sein Pferd schnell wie der Wind fortbewegte, um dem Höllenfeuer zu entkommen. Die Fernsprechvermittlungseinrichtung wurde dabei zerstört und seine Soldatenuniform durchlöchert.

Am Ufer der Desna konnte er endlich erleichtert aufatmen. Er drückte sein Pferd an sich und streichelte es liebevoll. Um seinen Weg fortzusetzen und den breiten Fluss zu durchqueren, musste er sich weiter auf seinen vierbeinigen Kameraden verlassen, da er nicht schwimmen konnte.

Als ihn nur noch zwei bis drei Meter vom gegenüberliegenden Ufer trennten, wurde ein weiterer Angriff auf ihn gestartet: es

waren einige Schüsse zu hören, und das Pferd verlor den Halt...

Dem Sergeant und Kommandeur der Verbindungseinheit gelang es schlussendlich, den Befehl erfolgreich auszuführen und zu erledigen, was ihm aufgetragen wurde. Als er jedoch nun davon erzählt, bleiben ihm die Tränen im Hals stecken. „Es tut mir so leid um das Pferd“.

Der Frontsoldat, der wie viele andere erheblich zum Sieg über den Nationalsozialismus beigetragen hatte, war glücklich über den wolkenlosen Himmel des Friedens und die strahlende Sonne, die seit 35 Jahren friedlich über dem Land scheint, sowie über das Aufblühen seines kleinen Heimatdorfes Woskresenowka in der Steppe. Bis zu seinem Ableben tat er alles in seiner Macht Stehende, um den Frieden im Land zu wahren.

Die Frontsoldaten, unsere Landsmänner, die Sowjetdeutschen, mobilisierten all ihre Kräfte, um den Großen Sieg herbeizuführen. Als am 9. Mai 1945 der Krieg gegen das nationalsozialistische Deutschland zu Ende war, atmete das ganze Land auf vor Erleichterung. Leider verschlechterte sich die Situation der Deutschen in der Sowjetunion nach dem im Dezember 1948 befürworteten Regierungsbeschluss über die Deportierung der Sowjetdeutschen nach Sibirien. Erst 1955 wurden die Deutschen von der Kontrolle vonseiten der Kriegskommandantur befreit. Sogar denjenigen Sowjetdeutschen erging es so, die an der Front kämpften und gewissenhaft ihren Militärdienst ableisteten, um die Heimat zu verteidigen und dabei erheblich zum Triumph über Hitlers Soldaten sowie zum Sieg beizutragen.

Ist es nicht mehr als berechtigt, endlich öffentlich über den Beitrag der Sowjetdeutschen zum Großen Sieg zu sprechen? Die Antwort ist offensichtlich. Allein die wenigen uns bekannten Fakten bezeugen den herausragenden Beitrag, den die Sowjetdeutschen zum Sieg über den Nationalsozialismus geleistet haben. ■

СЕМЕЙ

МЕЛОДИИ НАШЕЙ ПАМЯТИ

Для активистов клуба сеньоров общественного объединения немцев «Возрождение» г.Семейа хороший отдых – это музыка, любимые произведения, чтение стихов. В канун 75-летия со дня депортации они делятся с друзьями и соратниками своими любимыми стихотворениями, цитатами и метафорами.

Мария Горбачева

■ Уютная атмосфера, родные лица... Тетради, полные записей любимых стихов, хранящиеся долгие годы. В тишине зала Валентина Харченко прочитала стихотворение известного поэта Расула Гамзатова «Берегите друзей». С жаром цитируя поэтов родного города, она представила на суд слушателей и свои работы. Валентина уже не первый год пишет стихи: «Я хоть и не имею специального образования, но как многие поэты нашего города с огромным удовольствием пишу стихи и встречаюсь с единомышленниками. Хобби – одно из важных составляющих в

жизни каждого человека, ведь благодаря занятию любимым делом мы душевно отдыхаем, наслаждаемся и заряжаемся новыми силами».

Гости вечера вспомнили своих любимых авторов и их произведения. Читали стихотворения Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, Сергея Есенина, Роберта Рождественского, Осипа Мандельштама, Эдуарда Асадова. Активист клуба Н.А.Герасимова вспомнила стихотворение из детства на родном немецком языке.

Стих, посвященный любимому коллективу, прочитала Елена Колтунова, которая уже на протяжении десяти лет

является вокалисткой ансамбля «Айнхайт», считая его своей второй семьей.

Поделились своими любимыми произведениями со слушателями социальный работник Виктория Романенко и лидер клуба немецкой молодежи «Glück» Алина Данильченко, которая прочла стихотворения «Российские немцы» (Елена Зейферт) и «Лиличка» (Владимир Маяковский).

Фильмы, книги, спектакли, песни – все это для нас является духовной пищей. Мы творчески воодушевляемся, заряжаемся новыми идеями и яркими эмоциями. Нужно не забывать об этом и больше времени уделять искусству.

Фото пр...

Фото предоставлено автором

Фотопредоставлено автором

Quelle: welt.de

Flüchtlingstreck 1945

AUSSTELLUNG

FLUCHTURSACHEN AN DER BERLINER MAUER

Als die Berliner Mauer 1961 gebaut wurde, diente sie jahrzehntelang dazu, Flüchtlingszüge aus Ost- nach Westdeutschland zu stoppen. Im Gegensatz dazu wird sie jetzt ein Symbol der Toleranz und macht deutlich, warum täglich Tausende Menschen gezwungen sind, aus ihrer Heimat zu fliehen.

Zerstörte Stadt Kobane an der Berliner Mauer.

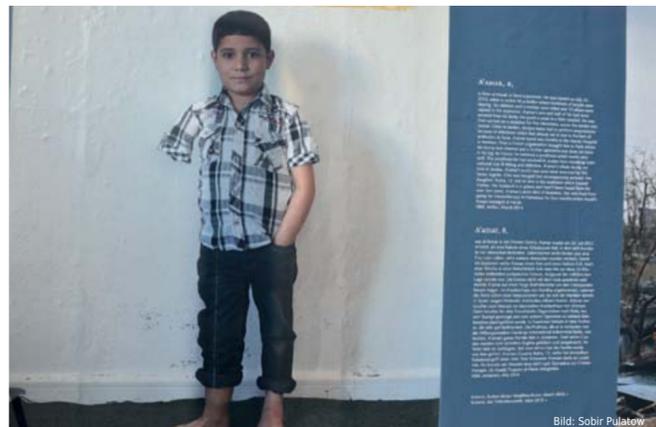
Bilder aus dem zertrümmerten Kobane. Die Berliner sehen Kriegsfolgen an der Mauer.

Sobir Pulatow

Flüchtlinge - Ja oder Nein? Diese Frage wird in Deutschland jeden Tag auf allen Kanälen scharf diskutiert und spaltet das gesellschaftliche Klima. Auf der einen Seite protestieren PEGIDA-Anhänger gegen Flüchtlinge und Migranten. Andererseits setzt sich, laut dem Sozialwissenschaftlichen Institut der Evangelischen Kirche in Deutschland (EKD) jeder zehnte Deutsche derzeit für Flüchtlinge ein.

Auch Kai Wiedenhöfer, international angesehener Fotograf, hat sich dem Thema zugewandt. Und ausgerechnet auf der Rückseite der „East Side Gallery“ auf der ehemaligen Berliner Mauer seine Ausstellung „War on Wall“ installiert. Damit beabsichtigt er, unmittelbar die Unmenschlichkeit des Krieges zu zeigen und möchte die Fluchtmotive begreifbar und sichtbar machen.

Von seinen Bildern lesen jeden Tag Tausende Menschen, die an der Mauer entlang laufen, nicht nur die körperlichen, sondern auch die seelischen Wunden von Kriegsverletzten ab. Wiedenhöfer porträtierte ein Jahr lang Kriegsverletzte in Syrien und die durch

A'amar, aus der Provinz Dera'a. Er wurde am 24. Juli 2012 verletzt, als eine Rakete einen Schutzraum traf, in dem sich hunderte von Menschen befanden. In der Explosion verlor A'amar einen Arm und einen halben Fuss. Eine Woche musste er in einer Behelfsklinik verbringen. Aufgrund der militärischen Lage konnte man ihn nicht über die Grenze nach Jordanien bringen, und A'amar musste fünf Kilometer auf einer Trage um zehn Prozent der Leute diese Bilder sehen, die sie jetzt sehen können.

Bombenanschläge zertrümmerten, leblosen Häuser in Kobane. Die syrische Stadt Kobane erreichte durch den Kampf um sie internationale Bekanntheit, bei dem die Stadt 2014 in erbitterten Kämpfen gegen den Islamischen Staat verteidigt wurde.

„Ich will zeigen, warum die Leute in Syrien ihre Heimat verlassen. Laut der Weltgesundheitsorganisation werden bisher 25.000 Menschen monatlich verletzt. Ich möchte mit diesen Bildern das Leid der Zivilbevölkerung in diesem Krieg zeigen“, sagt er im Interview vor der Mauer.

Auf die Frage, warum er seine Ausstellung ausgerechnet an der Mauer anbrachte, antwortet er: „Weil die Mauer ein Denkmal ist. Kultur- und geschichtsinteressierte Leute aus vielen Ländern kommen jeden Tag hierher. Wenn wir das in einem Museum gemacht hätten, würden nur zehn Prozent der Leute diese Bilder sehen, die sie jetzt sehen können.“

Wenig deutet auf ein dramatisches Leben und Wirken hin, als Raimund Kolbe 1894 als Sohn eines deutschstämmigen Vaters und einer polnischen Mutter in einfachen Verhältnissen in der Nähe von Lodz geboren wird, das damals zu Russland gehört. Die frommen

PORTRÄT

ZWISCHEN DEUTSCHLAND, RUSSLAND UND USA

Monika Gossmann ist Schauspielerin. Geboren in Almaty, ausgebildet in Deutschland, Russland und den USA, ist sie mittlerweile auf drei Kontinenten zu Hause. Unter der Regie von Alexej Popogrebskij dreht sie derzeit einen Film fürs Russische Fernsehen, in dem sie die Frau eines US-Botschafters „Miss Thompson“ verkörpert.

Monika Gossmann lebt in Berlin und ist Schauspielerin, Synchronsprecherin und Moderatorin mit zahlreichen Beteiligungen in Film- und Theaterproduktionen in Deutschland und Russland. Sie wurde 1981 in Almaty geboren und kam 1987, im Alter von sechs Jahren, mit ihrer Familie nach Deutschland. Nach dem Abitur absolvierte sie eine dreijährige Ausbildung als Sängerin, Tänzerin und Musicaldarstellerin an der Contemporary Dance School in Hamburg. Anschließend studierte sie von 2003 bis 2007 Schauspiel an der Theaterhochschule des „Künstlertheaters Stanislavski“ in Moskau (Diplomabschluss). Während ihrer Ausbildung in Moskau stand Gossmann im Künstlertheater und am Moskauer Theater für Musical- und Filmproduktionen auf der Bühne. Zudem drehte sie die Fernsehfilme „Mozart Art Detektiv“ und „Tag der Abrechnung“, die im ersten Programm des russischen Fernsehens ausgestrahlt wurden. Bereits seit ihrer Zeit an der Musicalschule in Hamburg gastiert sie mit dem Tigerlilies-Circus. Danach hatte Monika zahlreiche Engagements an deutschen Theatern in München, Mannheim, Berlin und Wiesbaden. Seit 2006 ist Gossmann auch in deutschen

Foto: monikagossmann.com

Fernsehen- und Filmproduktionen zu sehen, wie z.B. in den TV-Serien „SOKO Wismar“ (2010) und „Küstenwache“ (2012) oder in den Spielfilmen „Operation Perpetuum Mobile“ (2010, Hauptrolle) und „GEORGE“ (2012). Desweiteren verkörperte sie Rollen in internationalen Produktionen, wie Iron Sky (2012), Mission Backup Earth (2013), oder Pizzaboy (2011). Weitere Schauspiel-Erfahrungen sammelte Gossmann im Anschluss an das Moskauer Schauspielstudium in Los Angeles und von 2011 bis 2012 an der Yale University in Boston (Fay Simpson „Lucid Body Technik“). Monika fliegt regelmäßig nach New York, um mit Lorraine Rodriguez (Producer/East 3rd-Production) internationale Theaterstücke zu produzieren, in denen sie auf der Bühne zu sehen ist. Auch ihr Engagement als Dozentin (Choreographie/Schauspielunterricht) bei Workshops in Deutschland, Russland oder Amerika ist beachtlich. 2014 eröffnete sie ihr eigenes Schauspiel-Studio „LUCID BODY room berlin“. www.monikagossmann.com

Dieser Artikel ist zuerst in der Zeitschrift „Volk auf dem Weg“ erschienen. Wir veröffentlichen ihn mit freundlicher Genehmigung der Redaktion.

NS-DIKTATUR

DER MÄRTYRERTOD DES MAXIMILIAN KOLBE

Vor 75 Jahren ging in Auschwitz der Franziskanerpriester aus freien Stücken anstelle eines anderen Häftlings in den Tod. Die Wirkung seiner Tat hält bis heute an.

Papst Franziskus besucht Kolbes Zelle in Auschwitz

Christoph Hasselbach

29. Juli 1941 im Konzentrationslager Auschwitz: Der Lagerkommandant, SS-Hauptsturmführer Karl Fritsch, ordnet an, dass als Vergeltung für den angeblichen Fluchtversuch eines Häftlings zehn Männer durch den Hungertod sterben sollen. Unter den Ausgewählten ist der polnische Familienvater Franciszek Gajowniczek. Als er in lautes Wehklagen über sein bevorstehendes Schicksal ausbricht, meldet sich Mithäftling Maximilian Kolbe und soll dem Kommandanten gesagt haben: „Ich möchte für einen der Häftlinge in den Tod gehen. Ich bin katholischer Priester und habe keine Familie.“

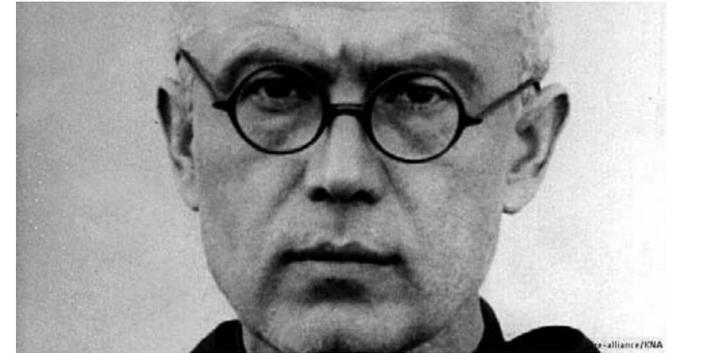
Fritsch nimmt das Angebot an. Kolbe kommt zusammen mit den anderen neun Gefangenen in den berüchtigten „Hungerbunker“ und versucht, ihnen Trost zuzusprechen. Als Kolbe und drei andere Häftlinge am 14. August immer noch leben und der Bunker für neue Todeskandidaten gebraucht wird, werden die Männer mit Giftspritzen getötet und die Leichen verbrannt.

Wenig deutet auf ein dramatisches Leben und Wirken hin, als Raimund Kolbe 1894 als Sohn eines deutschstämmigen Vaters und einer polnischen Mutter in einfachen Verhältnissen in der Nähe von Lodz geboren wird, das damals zu Russland gehört. Die frommen

Eltern schicken den aufgeweckten Sohn in ein Franziskanerinternat nach Lemberg, er nimmt den Ordensnamen Maximilian an, später darf er in Rom Philosophie und Theologie studieren.

Den Tod, auch den gewaltsamen, lernt der junge Kolbe allerdings schon früh kennen: Zwei Geschwister sterben an Tuberkulose, der Vater wird wegen seines Kampfes gegen die russische Besatzung hingerichtet. Als Priester zurück in Polen gründet Maximilian Kolbe das Klosterzentrum Niepokalanow bei Warschau, einen Komplex mit Wohngebäuden, Seminar, Werkstätten, Druckerei, Verlag und einem eigenen Rundfunksender. Die Klosterstadt wird schnell überregional bekannt und zählt Ende der 1930er Jahre 660 Franziskaner. Der deutsche Überfall auf Polen im September 1939 setzt Kolbes frühem Lebenswerk jedoch zunächst ein Ende. Die Deutschen vertreiben die Bewohner und machen aus der Klosteranlage ein Gefangenelager. Kolbe wird erstmals verhaftet, kommt wieder frei, wird 1941 erneut festgenommen und nach Auschwitz gebracht. Er ist 47, als er dort ermordet wird.

Doch so schrecklich das Leben des Franziskanerpriesters endet, so nachhaltig ist seine Wirkung. „Das Gebot der Nächstenliebe hat seine Bedeutung wiedererlangt. Das Leben, das durch den freiwilligen Tod erkaufte wird, hat

Maximilian Kolbe

seinen Wert zurückgewonnen“, erzählt einmal der Zeitzeuge Michal Micherdzinski, der 2006 starb. Gottfried Bohl von der Katholischen Nachrichtenagentur (KNA) beschreibt die Botschaft, die von Kolbes Tat ausgeht, so: „Er steht für Nächstenliebe in ihrer allerradikalsten Form – er opfert sein eigenes Leben, um das eines anderen Menschen zu retten. Und dahinter steckt auch die Botschaft, dass selbst in den dunkelsten und unenschlichsten Zeiten ein Stück Menschlichkeit möglich ist.“

Anfang der 1960er Jahre in einem noch frostigen politischen Klima zwischen Polen und der Bundesrepublik Deutschland betreiben polnische und deutsche Bischöfe gemeinsam Kolbes Seligsprechung. „Sie haben sich in einer Zeit für Versöhnung eingesetzt, als das gar nicht angesagt war“, so Gottfried Bohl, „und sie wurden dafür auch massiv angefeindet.“ 1971 spricht Papst Paul VI. Kolbe selig, 1982 folgt die Heiligsprechung als Märtyrer durch Papst Johannes Paul II. Bei beiden Zeremonien ist auch Franciszek Gajowniczek dabei, der das KZ überlebt hat. Gajowniczek macht in Vortragsreisen in Europa und den USA Kolbes Wirken weiter bekannt. Ende Juli dieses Jahres besuchte Papst Franziskus Kolbes Todeszelle in Auschwitz.

Heute tragen das Maximilian-Kolbe-Werk und die Maximilian-Kolbe-Stiftung seinen Namen. Das Kolbe-Werk mit Sitz im süd-

deutschen Freiburg unterstützt seit seiner Gründung 1973 Überlebende der Konzentrationslager und Ghettos vor allem in Polen, unabhängig von der Konfession der Betroffenen. Die Kolbe-Stiftung betreibt Versöhnungsprojekte in Europa. Nach den Worten von Gottfried Bohl haben beide Organisationen zum einen eine politische Botschaft – ihr Motto: „Das Volk der Täter übernimmt Verantwortung und kümmert sich um die Opfer.“ Ihr zweites Anliegen sei „die Arbeit für Erinnerung und Versöhnung – gegen das Vergessen. Begegnungen der Opfer von damals mit jungen Menschen von heute halten die Erinnerung wach und vermitteln die Botschaft: „Nie wieder.“

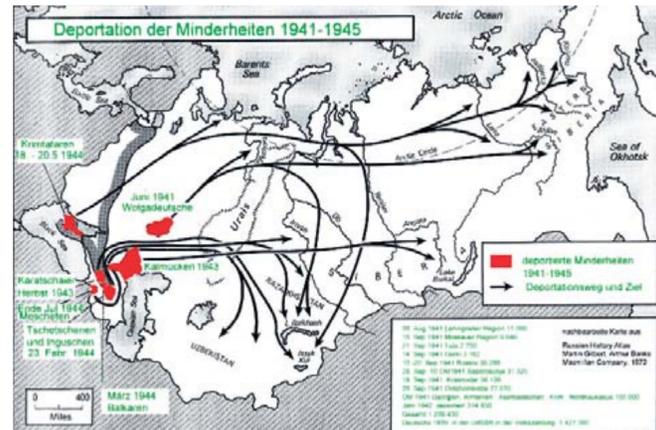
Der Bamberger Erzbischof Ludwig Schick nennt Kolbe ein Symbol für die deutsch-polnische Versöhnung. Schick ist Stiftungsratsvorsitzender der Kolbe-Stiftung und deutscher Leiter der Kontaktgruppe der Deutschen und Polnischen Bischofskonferenz. In einem KNA-Interview sagt er, der Versöhnungsprozess sei noch nicht abgeschlossen. Die Stiftung wolle junge Menschen zu „Promotoren der Versöhnung und des Friedens für ihre Länder“ machen. Das Beispiel Maximilian Kolbes könne zu Versöhnungsarbeit weltweit anregen, etwa in der Ukraine, Ruanda oder dem Sudan. DW.DE. 13.08.2016

SOWJETDEUTSCHE

„VON HUNDEN GETRIEBEN“: 75. JAHRESTAG DER DEPORTATION

>> Seite 1. Wenn wir von der Arbeit kommen sind, war die ganze Kleidung nass und gefroren. Es gab eine Kammer, in der die Sachen trocknen sollten. Aber manches Mal hat das nicht geklappt. Und man hat es

nass wieder angezogen und raus in die Kälte. Anfangs hatte man noch ein bisschen Kraft von zu Hause. Dann sind die Leute immer schwächer und schwächer geworden, bis sie kaum noch laufen konnten“, schildert ein

Karte, die die Deportationswege verschiedener Minderheiten zeigt, darunter auch die der Wolgadeutschen, deren Deportation 1941 begann.

anonymer Zeitzeuge. Ab September 1941 wurden viele Russlanddeutsche aus der Roten Armee abgezogen und zunächst in Baudrapps versetzt, vielfach allerdings auch erschossen. Die Überlebenden wurden zur Arbeitsarmee eingezogen bzw. in Arbeitslager in Kasachstan oder Sibirien versetzt. Die Grundlage für ein würdevolles Leben in Kasachstan war de facto nicht gegeben.

Zwischen den Jahren 1929-1933 hatte Kasachstan mit erheblichen Bevölkerungseinbußen zu kämpfen. Durch Josef Stalin verordnete Zwangskollektivierungsmaßnahmen führten dazu, dass nomadisch lebenden Hirten die Lebensweise genommen wurde. Rund zwei Millionen Menschen verhungerten, eine Million Menschen verließ das Land. Für die neu ankommenden Russlanddeutschen war die Situation erschwert.

Die „Zwangsansiedlung“ der mit Viehtransportern hingebachten Menschen war nur durch die Mithilfe der Einheimischen möglich. Vielfach starben die Menschen aber an Hungersnot; sie schufteten auch bis an den Rand der Erschöpfung bei dem Bau von Eisenbahnliesen oder in der Ölförderung. Erst mit Josef Stalins Tod im Jahre 1953 begann eine langsame Liberalisierung der Situation der Russlanddeutschen. Dazu führte auch

der Regierungsbeschluss „Über die Aufhebung einiger Einschränkungen in der Rechtsstellung der Sondersiedler“. Vollständige Reisefreiheit und eine Zusammenführung des zweitgrößten Familien fand allerdings erst in den späteren 50er Jahren statt.

Durch die historischen Erfahrungen mit Deportationen und Zwangsumsiedlungen sagt man Russlanddeutschen allgemein einen besonders zähen Charakter nach. Dieser Meinung ist auch Valentina Sommer, die in ihrem Buch „Das Schicksal“ die Deportationserfahrungen der Russlanddeutschen anschaulich und faktenorientiert schildert.

- Vauigrupp - з.д.: строительный отряд (в составе трудармии)
- de facto - фактически (лат.)
- jmd. die Lebensweise nehmen - з.д.: лишиться кого-л. привычного образа жизни
- schufften - вкалывать, работать не разгибая спины
- zäh - з.д.: упорный, стойкий, выносливый

УЗБЕКИСТАН ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОСЛЕЗАВТРА

Прохладным октябрьским вечером по спускавшейся вниз улочке шел с занятий географического кружка бравый пионер. Все двери и ворота вокруг были заперты наглухо: недавно прошла новая амнистия, на волю выпустили много преступников, и жители на улицу после шести старались не выходить. Но запоздавший подросток шел домой, как уверенный во всеобщей правильности отличник. Как не боящийся никаких хулиганов спортсмен. И просто юноша, полностью ушедший в себя.

Назар Шохин
В руках отличник, спортсмен и просто юноша держал глобус. Это – подарок деда, получившего его в середине 1920-х в самом Нюрнберге. Блестящий, яркий, весь исписанный латинскими названиями. Пережил и депортацию, и войну, и далекую казахстанскую ссылку. Для внука эта вещь была больше чем источник географических сведений. Она означала мечту о свободном плавании на всех парусах. Ворота в дикую, экзотическую природу. В естественный мир, где живут в согласии люди и животные. В океаны и моря, незнакомые города, леса, горы... Туда, где есть куча сокровищ, способных избавить от нужды всех родных, друзей, знакомых, всю бедствующую после войны страну.

Подросток знал, что все местные уличные пацаны предвзято этим вопросом намерение побить.
– Нет у меня денег! – ответил он, сам с удивлением отметив, что голос звучит с вызовом.
Долговязый, державший во рту папиросу, забросил белый шарф за плечо, снял с себя солдатский ремень и, наматывая на кулак, со свистом покрутил его в воздухе:
– И косячку у октябрат-пионеров нет? Так? – Сквозь выпавший передний зуб пошел дым, медленно, густыми клубами.
И закурит у пионера, естественно, тоже не было – он никогда не имел дело с уличной шантапой.
– Так что ж ты, нечесть белобрыса, по чужой улице ходишь, если у тебя ни денег, ни курева? – спросил с нарочитой хрипотцой верзила. – А это что за слононые яйца? Одолжи-ка! – Вырвав из рук подростка глобус, он подбросил его вверх – один раз, второй, а потом с силой ударил кулаком. Шар, словно волейбольный мяч, полетел вниз по улице, не производя особого шума – тише, тише, под конец заворчал недовольным эхом, и замер в какой-то яме.

Так бы и шагал уверенный в себе человек, со своим драгоценным раритетом, прислушиваясь к скрипу его подставок, если б дорогу не преградили трое: молодой верзила и двое его подручных – долговязый и карлик. Все в широких штанах, клетчатых кепках, стрижены наголо.
Подросток остановился как вкопанный. Не успел он что-либо сообразить, как его схватили за ворот, резко потянули влево и прижали к стене.
Сопротивляться мешал глобус. Впрочем, драться с троицей и без того было бессмысленно – в столь поздний час никто, ни одна душа за него не заступится. Далеко был и милицейский участок.
– Гони бабки! – сказал карлик, усмехаясь с видом победителя.

Подросток знал, что все местные уличные пацаны предвзято этим вопросом намерение побить.
– Нет у меня денег! – ответил он, сам с удивлением отметив, что голос звучит с вызовом.
Долговязый, державший во рту папиросу, забросил белый шарф за плечо, снял с себя солдатский ремень и, наматывая на кулак, со свистом покрутил его в воздухе:
– И косячку у октябрат-пионеров нет? Так? – Сквозь выпавший передний зуб пошел дым, медленно, густыми клубами.
И закурит у пионера, естественно, тоже не было – он никогда не имел дело с уличной шантапой.
– Так что ж ты, нечесть белобрыса, по чужой улице ходишь, если у тебя ни денег, ни курева? – спросил с нарочитой хрипотцой верзила. – А это что за слононые яйца? Одолжи-ка! – Вырвав из рук подростка глобус, он подбросил его вверх – один раз, второй, а потом с силой ударил кулаком. Шар, словно волейбольный мяч, полетел вниз по улице, не производя особого шума – тише, тише, под конец заворчал недовольным эхом, и замер в какой-то яме.
Темную тишину сотряс хохот. Смеялись вволю и от души.

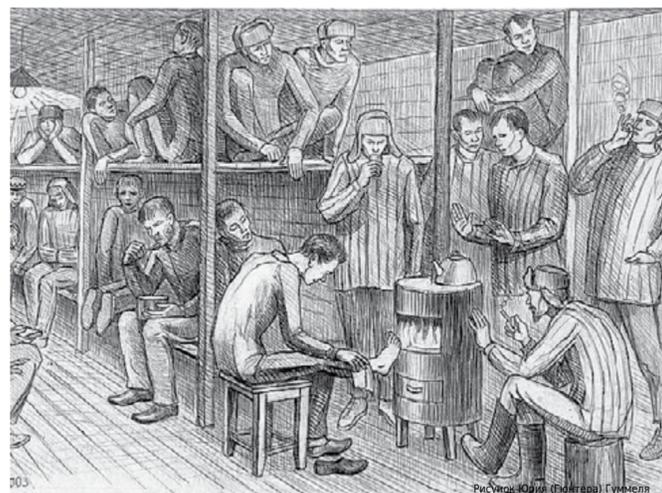
Так и ржали бы трое, если бы вдруг прямо под фонарем не возник человек в милицейском мундире.
Нападавшие опешили.
Верзила подтянулся и пошел навстречу незнакомому гостю. Поздоровавшись за руку, подал ему, словно старому знакомому, коробок со спичками, стал ждать, когда тот закурит. Еще через пару минут оба повернулись и пошли по улице вниз. Следом двинулись, не обращая внимания на свою недавнюю жертву, долговязый и карлик.
Отряхнувшись, подросток ринулся искать глобус. Он искал его на обочинах, под стенами домов и в подворотнях почти полчасика. И, не найдя, грустно побрел домой.
...Хоть он и остался цел и невредим, радости не было никакой. Он шел, едва сдерживая слезы, перебирая в памяти все знакомые ему ругательства. Он чувствовал себя неуклюжим и несчастным, горько жалея, что не умеет даже ударить противника в пах.
Обидно, до боли обидно было стерпеть такое унижение от каких-то подонков. Но еще обиднее – потерять то, что в твоей семье хранилось, сбергалось как реликвия три десятилетия. В семье, где ты теперь – единственный мужчина. Обидно и горько, что у матери тускло проходят дни, пропитанные кухонным чадом, и тяжелы ночи беспокойного сна. Что у тебя до сих пор нет преданной собаки, настоящего перочинного ножа. Что нет бравого матроса, который заменил бы погибшего на фронте отца. Был бы папа, он бы понял...
Но он и сам мужчина, а мужчины умеют смотреть в глаза опасности.
Подросток стал вспоминать все известные ему сведения из жизни первооткрывателей. Колумб, например, не раз героически спасал корабли от столкновения с рифами. Правда, появлением этой отравы – табака – европейцы обязаны именно ему... А Магеллан, как известно, бесстрашно вступался за своих моряков, но его кидали, как последнего лопуха, арабы. Индусы приняли великого Васко да Гаму за нищего...
В книгах пираты были благородными разбойниками. В настоящей жизни они, оказывается, – просто банда вороватых подонков... Получается, что и глобус, этот муляж Земли, не больше, чем опасная игрушка?..
В их школе преподаванию географии никогда не придавалось большое значение. Увлечение дальними краями и неизведанными странами не приветствовалось, видимо, негласно подразумевалось, что интересоваться полагается только своей великой Родиной. Довольно скучным был и школьный географический кабинет. Но именно география сыграла в семье подростка-немца решающую и, увы, роковую роль...
Мальчик продолжал идти, думая о неожиданных поворотах жизни. Все сегодня произошло не по его воле, но, странно, ему не хотелось просто выбросить сегодняшний день из памяти. Сейчас, как никогда, хотелось большего: сменить свою фамилию Миллер на более благозвучную, без боязни говорить в люд-

ных местах на родном языке, отделаться от прилипшей к нему клички Паганель...
У порога Паганеля встречала мать, судорожно комкая обеими руками концы накинутого на волосы платка. Рядом стояла, опираясь на швабру, наспившаяся сестренка. Слава Богу, что мама не плачет – при виде ее слез сыну всегда хотелось сбегать на призрачный парусник...
Он вошел во двор, торопливо разделся, снял ботинки, стянул носки, умылся и лег в постель.
Сон пришел не сразу.
Во сне уличный верзила – почему-то в дурацком котелке, с усиками и вывернутыми ступнями – комичными движениями играл огромным земным шаром, вертя то на пальце, то на носу, то подбрасывая пяткой. Потом взял его бережно в руки и с хулиганским поклоном передал человеку в коричневом мундире. Глобус уменьшился до своих обычных размеров, около него встали с ружьями долговязый и карлик. Народу было битком, все хлопало. Рядом отдавали честь мальчики из гитлерюгенда. У каждого во двор, торопливо разделся, снял ботинки, стянул носки, умылся и лег в постель.
Сон пришел не сразу.
Во сне уличный верзила – почему-то в дурацком котелке, с усиками и вывернутыми ступнями – комичными движениями играл огромным земным шаром, вертя то на пальце, то на носу, то подбрасывая пяткой. Потом взял его бережно в руки и с хулиганским поклоном передал человеку в коричневом мундире. Глобус уменьшился до своих обычных размеров, около него встали с ружьями долговязый и карлик. Народу было битком, все хлопало. Рядом отдавали честь мальчики из гитлерюгенда. У каждого во двор, торопливо разделся, снял ботинки, стянул носки, умылся и лег в постель.

Те, кто три дня не сходил с нар и не выходил на работу, считались мертвыми. Похоронная бригада стаскивала остывшие тела на пол, раздевала их, выносила из барака и складывала в большие грузовые сани для лошадей.
Лошадь, увидев свой кошмарный груз, судорожно мотала головой и по её телу лихорадочно пробегала нервная дрожь. Нагрудив полные с горькой сани, санитарная процессия двинулась от пустых бараков вдоль высокого забора с колючей проволокой к лагерным воротам.
На КПП вооружённая охрана еще раз пересчитывала тела выбывших и различно вычеркивала их из списка личного состава трудовой колонии. Колонна живых существенно сокращалась, колонна мертвых заметно увеличивалась...
Обидно было умирать весной, пережив долгую и морозную зиму. Когда день уже начал заметно прибавлять и солнышко стало чаще появляться на хмуром северном небе.
Доехав до опушки леса, у крутого берега реки, извозчики стали разгружать сани и скидывать голяков в глубокий занесенный овраг. В небе закружилась воронья стая.
За зиму «ущелье смерти» было уже наполювину завалено телами несчастных советских немцев. Этими «предателями и пособниками врага», не желающими больше трудиться во имя победы советской Родины. Так охарактеризовали их наверху в кремлевском указе о депортации. Мертвые теперь как будто бастовали. Родина отобрала у них всё, что было.
– Весной, если доживем, всех закопаем, или в половодье река сама скроет все следы, – обменивались мнениями полуживые похоронщики. Закончив разгрузку, все сели в сани и поехали назад в зону.
Тихо шло время. К вечеру воздух становился особенно густым и упруго, жирно приятно. Всё замирало. Очаровательно в сумерках смотрит природа.
Вдур в овраге, в куче мертвецов что-то зашевелилось и через некоторое время голый, тощий человек, протискиваясь сквозь застывшие тела, медленно выкарабкался на поверхность.
– Живой! Главное, живой! – вертелось в его голове. Хорошо, что он оказался в середине кучи: был бы внизу, – вылез бы, не смог; был бы наверху, – замерз. И как это жизнь вернулась в почти мёрт-

К 75-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ С ТОГО СВЕТА

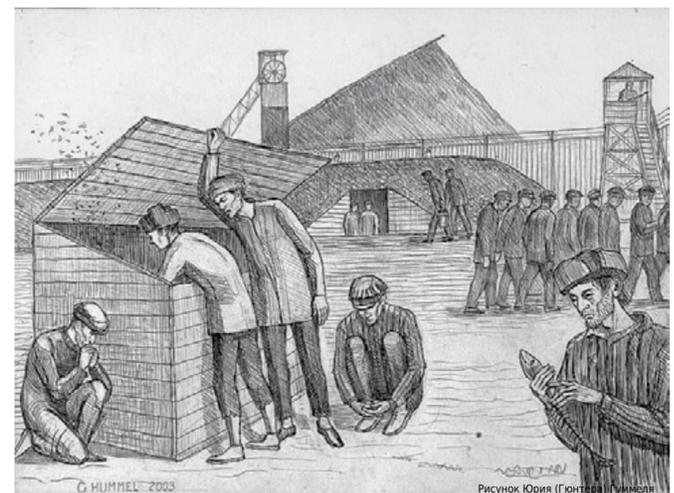
Люди в трудармии умирали как мухи. «Все мы на том свете будем!» – безвыходно успокаивали они друг друга. Благодаря «особой заботе» наверху и враждебному отношению внизу смертность в ГУЛАГе среди советских немцев была выше, чем на фронте. Концентрационные лагеря смерти находились по всей стране.

Райнгольд Шульц

Те, кто три дня не сходил с нар и не выходил на работу, считались мертвыми. Похоронная бригада стаскивала остывшие тела на пол, раздевала их, выносила из барака и складывала в большие грузовые сани для лошадей.
Лошадь, увидев свой кошмарный груз, судорожно мотала головой и по её телу лихорадочно пробегала нервная дрожь. Нагрудив полные с горькой сани, санитарная процессия двинулась от пустых бараков вдоль высокого забора с колючей проволокой к лагерным воротам.
На КПП вооружённая охрана еще раз пересчитывала тела выбывших и различно вычеркивала их из списка личного состава трудовой колонии. Колонна живых существенно сокращалась, колонна мертвых заметно увеличивалась...
Обидно было умирать весной, пережив долгую и морозную зиму. Когда день уже начал заметно прибавлять и солнышко стало чаще появляться на хмуром северном небе.
Доехав до опушки леса, у крутого берега реки, извозчики стали разгружать сани и скидывать голяков в глубокий занесенный овраг. В небе закружилась воронья стая.
За зиму «ущелье смерти» было уже наполювину завалено телами несчастных советских немцев. Этими «предателями и пособниками врага», не желающими больше трудиться во имя победы советской Родины. Так охарактеризовали их наверху в кремлевском указе о депортации. Мертвые теперь как будто бастовали. Родина отобрала у них всё, что было.
– Весной, если доживем, всех закопаем, или в половодье река сама скроет все следы, – обменивались мнениями полуживые похоронщики. Закончив разгрузку, все сели в сани и поехали назад в зону.
Тихо шло время. К вечеру воздух становился особенно густым и упруго, жирно приятно. Всё замирало. Очаровательно в сумерках смотрит природа.
Вдур в овраге, в куче мертвецов что-то зашевелилось и через некоторое время голый, тощий человек, протискиваясь сквозь застывшие тела, медленно выкарабкался на поверхность.
– Живой! Главное, живой! – вертелось в его голове. Хорошо, что он оказался в середине кучи: был бы внизу, – вылез бы, не смог; был бы наверху, – замерз. И как это жизнь вернулась в почти мёрт-

вое тело? Не погас, видимо, внутри её слабый огонёк.
Человек как-то выкарабкался из оврага и неуклюже, голый, пополз по снегу, не имея представления о направлении, куда и зачем. Инстинкт заставлял его двигаться, желание жить сквозь мутное сознание снабжало силой, надежда звала вперед.
Он полз, не чувствуя голода, холода, времени и боли. Обессилев, просто тыкался лицом в белую перину снега, отдыхал и полз дальше. Сколько полз, три часа или трое суток, вспомнить это он никогда не мог.
Видно, есть Бог на свете! В небе вспыхнула луна, впереди – свет в окошке.
До этого окошка он полз ещё две вечности, кое-как добрался до лесной избушки. Из самых последних сил, раз пятнадцать пытался подняться около стены и всё же постучался слабенько в окошко.
Хозяйка в доме страшно испугалась, увидав в окне при лунном свете голого человека на снегу. Страшно, худого, с черепом вместо лица, глаза ввалились, щёк не было, шкура, натянутая на скелет. Женщина накинула на себя фуфайку, шунула ноги в валенки и выскокила на улицу.
Она тоже была высланная, сердобольная, трудолюбивая русская женщина, дочь врага народа, и ей в жизни уже многое пришлось повидать.
Она волокам затащила полумертвое тело в дом, положила на широкую лавку, затем схватила тазик, занесла в избу снег и начала растирать прищельца.
На него больно было смотреть, растирать было уже нечего, кожа да кости. Сплошные обморожения снаружи, простуда, предсмертная дистрофия плюс весь букет трудармейских болезней.
Прищелец лежал на лавке и почти ни на что не реагировал. Женщина подбросила в русскую печку дров, в комнате стало жарко. Она нагрела полстакана молока и влила его в рот гостю. Растерев тело докрасна, одела его в тёплое нижнее бельё своего погибшего на фронте мужа. Затем кое-как затащила прищельца на тёплую лаванку большой русской печки и накрыла тулупом. Всю ночь давала молоко по маленькому глоточку, натирала тело сапожником, делала компрессы, достала из запасника засушенные травы... И много еще бессонных ночей провела сердобольная женщина у его изголовья.
У доброй хозяйки была сарайка, где жили коза, курочки и хрюшка. Молоко и яйца стали драгоценным лекарством.

Юрий Гюнтер

Как русский богатырь Илья Муромец, три года пролежал нежданный гость на печи, и молодой организм вернулся к полноценной жизни. Мужчина медленно, но умело помогал по хозяйству. Поправил избушку, починил всё, что можно. Прошло еще немного времени, и он заскучал по дому.
– Оставайся со мной! Ну, куда ты поедешь? Тебя и в живых-то нет! И документов нет! Ты ж с того света! Твои на тебя давно похоронку получили! А со мной тебе хорошо будет! Это ж ничего, что я чуть старше. Я буду тебе хорошей женой! Да мы уже и так привыкли друг к другу! – умоляла она спасённого.
– Дорогая моя! Мой замечательный земной ангел-хранитель! Ты ни разу не упрекнула меня в происхождении, наоборот... Я тебе жизнью обязан и благодарен буда пока живой! Но без своих я внутри снова потихоньку умираю. Я без них больше не могу! Глаза моей матери всё время передо мной. Зов крови сильнее, чем моя благодарность и моя сила воли. Прости меня и собери в дорогу!
Выжившему трудармейцу комендант пообещал тюрьму.
– За злостное дезертирство! Ишь, что выдумал! Всех обманул! Ведь тебя даже никто не искал! Ты же был на том свете! – комендант возмущался яростно.
Но ангел-хранитель, золотая русская женщина, как защитник и свидетель умоляла и клялась, что всё это чистая правда. Комендант обязан был верить чуду и своим глазам. К тому же очень уж существенными были вещественные доказательства, которые предоставили ему посетители: две бутылки самогона, целая свиная ляжка, куча яиц и дивно пахнущий свежеспеченный хлеб развеваяли сомнения, как надо поступить. Всё уже в прошлом, просьба откликнуться и рассказать в деталях, неизвестных подробностей.
Человек с того света поехал со справкой об активировании туда, откуда его призвали в трудовую армию. Он писал домой письма, но они возвращались. На месте расспрашивал людей и раздобыл адрес!
– Ты что? С того света? – безмерно радовался родители, не веря своим заплаканным глазам.
– Ты что? С того света? – удивлялся весь трудовой поселок и от души радовался за земляка.
– Ты что? С того света? – удивлялись в районной администрации и замучили прищельца формальностями.

С того света проще вернуться, чем доказать вам, что вот он я, живой и почти здоровый! – устало отвечал он усердным бюрократам, которые не видели возможности после смерти выдать ему новые документы.
– Вот настоящее, зарегистрированное свидетельство о смерти с государственной печатью! Вот похоронка на твоё имя! Причём тут какая-то справка коменданта? – сопротивлялись чиновники.
Пришлое отцу заколоть поросёнка. И это дело как-то само собой утряслось.
Родная мать не могла нарадоваться и много раз рассказывала, как она плакала, ждала и молилась за него. Она с такой любовью vychаживала дорогого сына, что вскоре превратила его в завидного жениха.
Генрих Шмидт взял себе в жены Фриду Йорт. У них родился сын Виктор, следом дочка, потом еще сын. Они прожили долгую, трудолюбивую жизнь.
После свадьбы, обрвав прошлое, сменили место жительства и поселились в Северном Казахстане, в Кокчетавской области, в Рузаевском районе, в селе Чернобаевке. Это как раз посередине между Кокчетавом и Кустанаем.
Летом он работал на тракторе «Беларусь», а зимой у него от холода страшно опухали и болели пальцы, поэтому начальство на зиму устранивало его в тепло, на ферму или в конюшню. Его жена образцово трудилась на разных работах, в производстве и на молочной ферме.
В девяностых годах он со своей семьёй, вместе со многими советскими немцами переехал из Казахстана в Германию. Поселились они под Бонном, и дожил он до 93 лет, намного пережив свою жену.
Всем, кто знал этого человека и знает эту историю, просьба откликнуться и рассказать в деталях, неизвестных подробностей.
История эта написана со слов свидетеля – Владимира Робертовича Мельникова, 1937 года рождения, живущего в Германии, односельчанина, коллеги и лучшего друга героя моего рассказа «С того света».
Когда нас любят и ждут – мы возвращаемся даже с того света! – это должны знать все на свете. ■
* Справка об активировании – справка о списании трудармейца, непригодного для общественно-полезного труда и отпущенного домой умирать. Справка об освобождении, путёвка на тот свет.

FRAG DEINE OMA
„ICH BIN IMMER UNZUFRIEDEN“
Das Friedensstiftende Projekt der Robert-Bosch-Stiftung ermuntert junge Menschen aus dem Ferghanatal dazu, die Generationen ihrer Eltern und Großeltern als Zeitzeugen blutiger Konflikte in der Region zu befragen. Diesmal ein Kurzporträt der Studentin Nargisa Osch. (Foto).
Nargisa hat lockige Haare, das ist im Ferghanal etwas Außergewöhnliches. Alle interessieren sich dafür. „Ich bin das einzige lockige Mädchen in meiner Familie. Meine Geschwister, mein Vater und meine Mutter haben alle glattes Haar“ sagt Nargisa.
Aber es macht sie besonders. Sie hat etwas, das sie von anderen abhebt. Das stimmt nicht nur für ihr Aussehen, auch ihre Mimik und Gestik sind besonnen. Obwohl sie mit ihren 24 Jahren Studentin an der Oscher Staatlichen Universität ist, hat sie schon viel erreicht.
Sie hat an Sommerschulen teilgenommen, als Au-Pair gearbeitet und viel Interessantes erlebt. Ihre Großeltern kommen aus Oszgönd, zwei Stufen von Osch entfernt. Noch lebt sie bei ihren Eltern. Und doch ist sie eine Weltwandlerin: Sie war bereits in Deutschland, Frankreich, Spanien. Stets sagt sie: „Ich bin immer unzufrieden“. Vielleicht rührt es daher, dass sie sehr große Erwartungen an sich selbst hat. Es bedeutet, dass sie immer mehr erreichen will. Sie spricht sehr offen nach einer kurzen Unterhaltung hat man das Gefühl, sie schon ewig zu kennen.
Foto: DAZ
Foto: Sarina Sokolowa
Foto: Sarina Sokolowa
Nurschamal To-Assel Schekero-kumbajewa (22), wa (23), Kirgisistan Kirgisistan (Osch) (Dschalalabat)

ИСТОРИЯ

К 75-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ

Доклад Александра Дитца, президента Международного и председателя Всероссийского фондов реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам, заместителя председателя Межгосударственного Совета российских немцев и Совета немцев России, председателя Алтайского краевого отделения общества немцев РФ «Видергербурт» в Москве на пленарном заседании научно-практической конференции «Будущее российских немцев» (19-21 октября 1994 года)

Термин «реабилитация» имеет довольно широкое толкование. Впервые это понятие появилось в позднелатинском языке, где «rehabilitatio» означало восстановление. Видимо, еще в далекой древности возникала необходимость кого-то реабилитировать. В XX веке слово «реабилитация» входит в постоянный обиход большинства народов мира, особенно часто оно стало употребляться юристами, политиками, медиками, социологами и другими специалистами. С этим термином пришлось познакомиться вплотную и российским немцам. Зловещий сталинский Указ от 28 августа 1941 года в один миг превратил российских немцев в предателей, шпионов, пособников Гитлера, врагов советского народа.

Указ этот официально касался только немцев Поволжья, откуда за 24 часа с ручной кладью, в скотских вагонах и под строгим надзором военных было насильственно вывезено более 400 тысяч человек в отдаленные районы Сибири и Казахстана, однако вслед за поволжскими немцами также были насильственно выселены из своих полустаростлетием обжитых мест все российские немцы независимо от того, где они проживали: на Украине, в Крыму, Закавказье, европейской части России и других регионах, кроме районов, оккупированных уже фашистскими войсками. Всего было выселено более 1 миллиона 200 тысяч человек. Путь до Сибири и Казахстана оказался трудным и долгим, по дороге осталось немало безвестных могил.

Насильственное выселение немцев явилось только первым шагом на пути к геноциду против народа. У Сталина и работников НКВД уже имелся четкий план полного уничтожения российских немцев, как народа, путем ликвидации всех немецких национальных институтов, вообще всего немецкого.

В Указе том ничего не говорилось о ликвидации республики немцев, правовом положении и конфискация имущества. Но в одночасье российские немцы лишились всего: своей автономии республики, политических прав, движимого и недвижимого имущества, нажитого несколькими поколениями. Словом, всего, что всегда в достатке водилось в добротном немецком доме. Конфисковано было и все колхозное имущество, добытое общим потом и кровью, а также все культурное наследие...

Следует напомнить, что расправа над российскими немцами началась гораздо раньше 1941 года. Массовым репрессиям они подверглись еще в 20-30-е гг. прошлого столетия. Были закрыты все кирхи (церкви), приходы, запрещены богослужения, проповедников сослали в Сибирь, потом принялись за крестьян. В 1938-1939 годах упраздняются все 15 немецких национальных районов (6 - в РСФСР, 9 - на Украине). В эти же годы более 700 немецких школ переводятся на русский и украинский языки, закрываются немецкие газеты и другие немецкие учреждения. Пока не трогает Республику немцев Поволжья.

Это было неслыханное ограбление народа. Жаль, что в те дни не оказалось рядом кинодокументалистов, но в памяти народной тот кошмар живет по сей день.

Срочным приказом, 7 сентября 1941 года, Президиум Верховного Совета СССР принимает новый Указ, которым кантоны бывшей немреспублики были переданы Саратовской и Сталинградской областям.

Такой массовой депортации история еще не знала, хотя до российских немцев тяжкий жребий выселения на себе испытали советские корейцы и курды. Это происходило до Великой Отечественной Войны и по численности переселяемых было менее масштабно.

По поводу выселения немцев Борис и Зинаида Пастернаки 12 сентября 1941 года писали: «... Уже несколько дней тому назад говорили о поголовном переселении всей республики немцев Поволжья от мала до велика в Среднюю Азию или в Алтай... Сколько горя и зла кругом, какими горами копится человеческое разоренье, сколько счетов, друг друга разоряющих, прячет за пазухой человеческое злопамятство, сколько десятилетий должно будет уйти в будущее на их обоюдостороннее погашенье». («Огонек», №1, 19.09.41)

Какими же мудрыми и дальновидными оказались Пастернаки, предсказав еще в 1941 г. многолетний и трудный путь справедливого решения немецкого вопроса.

Если чуть-чуть отступить, заглянуть в историю, то нетрудно заметить, что судьба, жизнь российских немцев на протяжении веков развивалась по принципу прилива и отлива. Но больше было отливов. К российским немцам и царские времена относились неоднозначно, хотя они были приглашены на Русь. Нездоровая зависть к трудолюбиво немецкого народа всегда имела место в России, и как только в державе возникали сложные любого порядка, тут же находили виновных - немцев!

«В 60-х годах XIX века на страницах газет и журналов появляется масса публикаций, доказывающих, что рост немецких латифундий, увеличение немецкого банковского капитала есть не что иное, как осуществление извечной германской доктрины «Drang nach Osten» мирными средствами - «завоевание России мирным путем!» (В.Г.Чеботарева «Немецкий вопрос в исторической литературе России» Немецкий российский этнос: веки истории, стр. 6, 1994).

«Общество «За Россию» 17 июля 1915 года обращается к Председателю Госдумы и руководителем различных фракций с предложением: в целях оборонноспособности страны заключить в концентрации лагеря отдаленных губерний всех немцев и лиц германского, австрийского и двойного подданства; конфисковать и секвестровать все немецкие земли, включая земли немцев-колонистов». (Там же, стр. 19) В июне 1916 года Николай II утвердил положение «Об особом Комитете по борьбе с немецким засильем». Хотя российские немцы всегда верой и правдой служили Царю и Отечеству!

Сразу же после переселения немцев из Республики немцев Поволжья и других регионов компактного и дисперсного проживания последовала серия законодательных актов по их трудовому использованию. Большую ценность представляют материалы так называемой «Особой папки» Сталина (сегодня многие из этой папки уже широко известны), в которой немало документов, касающихся немцев-трудармейцев. В ней собраны постановления ГКО, переписка Сталина

и Берии, переписка Берии с местными управлениями НКВД и другие.

Среди первых актов приказ Сталина № 35105 от 8 сентября 1941 года. Один из его пунктов предписывал «изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной Армии, как на фронте, так и в тылу, военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа в строительные части». По данным МВД СССР 1949 года служило тогда в Красной Армии 64,6 тысяч немцев. Следом появился приказ НКВД СССР № 001398 от 26 сентября 1941 года, в котором в соответствии с Постановлением ГКО № 660 от 11 сентября того же года местные органы обязаны были «все строительные батальоны, работавшие в системе НКВД, реорганизовать в рабочие колонны, снять с интендантского снабжения и содержать их как строительных рабочих». (Н.Ф.Бугай. Немцы в структуре производственных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы). Немецкий российский этнос: веки истории, стр.85, 1994.)

Этот приказ распротранялся и на немцев, входивших в состав стройбатальонов. А немцев, как я уже отмечал, в стройбатальонах было более 60 тысяч человек. С этого момента по существу начинается история ГУЛАГА трудармейских лагерей НКВД. Постановления, приказы, распоряжения, инструкции множатся как грибы в дождливое лето, абсолютное большинство которых прямо касаются советских немцев.

30 октября 1941 года принимается распоряжение СНК Союза ССР № 57-К «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные». Особое значение имело предписание заместителя начальника ГУЛАГА НКВД СССР Г.Завгороднего от 20 ноября 1941 года, в котором говорилось: «Стройбаты работают как трудовые колонны. Мобилизованные в эти колонны являются военнообязанными и уйти из колонн самовольно не могут... Размещение батальонов казарменное. Внутренний распорядок устанавливается начальником Управления лагеря...». Таким образом, судьба трудмобилизованных отдавалась на откуп лагерного начальства и лагерного персонала вообще.

10 января 1942 года издается Постановление ГКО № 1123 под грифом «Совершенно секретно» «О порядке использования немцев-переселенцев производного возраста от 17 до 50 лет». К мобилизации следовало приступить немедленно и закончить 30 января 1942 года. Невяка, уклонение карались применением высшей меры наказания. По этому постановлению было мобилизовано через военкоматы 120 тысяч немцев-мужчин и подростков. Все они без суда и следствия оказались в специальных трудармейских лагерях НКВД, где содержали их хуже заключенных, а многие лагеря ничем не отличались от концлагерей. Теперь Сталин, Берия и их окружение нашли эффективную форму массового уничтожения советских немцев измором. Они спешат попустить через трудмобилизацию все взрослое население российских немцев, даже подростков.

14 февраля 1942 года принимается второе Постановление ГКО №1281 сс «О мобилизации немцев-мужчин производного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках». >>

ИСТОРИЯ

К 75-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ

>> 7 октября того же года издается новое Постановление ГОКО № 2383 сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», где обозначен возраст мужчин уже с 15 до 55 лет, а женщин с 16 до 45 лет включительно. Имеется немало примеров, когда в трудармию забирали немцев в возрасте от 14 и старше 60 лет, а женщин просто насильно отрывали от малолетних детей, которые оставались совсем одни без всяких средств для жизни. На советских немцах проводили страшный эксперимент по созданию специальных рабочих колонн, батальонов и трудармейских лагерей системы ГУЛАГА НКВД. Впоследствии это испытали на себе корейцы, итальянцы, финны, венгры, румыны. Но их было не так много. В 1942, 1943 и 1944 годах советские немцы гибли в трудармейских лагерях НКВД, и тут же шло срочное пополнение этих лагерей за счет новой мобилизации. В конце октября 1942 года принимаются Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) : «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях», «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». Опять потребовались немцы! 2 августа и 19 августа 1943 года появились новые Постановления ГОКО № 3857 сс и № 3960 сс о дополнительной мобилизации советских немцев в угольную промышленность, золотодобычу, лесное хозяйство, добычу нефти, редких металлов, ремонт дорог и на другие работы.

Такое положение вынужден был признать даже заместитель Берии Василий Чернышов, отмечавший постоянное нарушение инструкций по организации проживания немцев в зонах Молотовской области (ныне Пермская), отсутствие одежды, обуви» (Н.Ф.Бугай, стр. 9). Подобные факты имели место не только в Молотовской области, хотя здесь была

одна из самых страшных зон, где поморили тысячи и тысячи советских немцев. Не лучше содержали трудармейцев в Котласе, Воркуте, Челябинге, Ивдельлаге, Краслаге, Куйбышевлаге, Карагандалаге, Узбекской ССР, Удмуртской АССР, на шахтах Кемеровской области и в других местах. В этих лагерях, да и в некоторых других местах варварски относились к покойникам. С мертвых снимали все до нитки, потом сбрасывали их в заброшенные шахты, шурфы, траншеи, иногда копали неглубокие ямы, и немало примеров, когда зимой покойников штабелировали, затем бульдозерами сдвигали их в овраги, а весной трупы уносило в безвестность половодьем... Но даже в этих экстремальных условиях трудармейцы-немцы добросовестно относились к работе, что многократно отмечали в своих докладных записках различные чиновники ГУЛАГА НКВД СССР.

География трудармейских лагерей весьма обширна - от Коми АССР до бухты Ванино на Дальнем Востоке, даже на территории Монголии были трудармейские формирования. Я насчитал уже свыше двухсот лагерей и лагпунктов, но их, мне кажется, больше. Желательно бы иметь официальную статистику. После войны немцев-трудармейцев начали перебрасывать с Урала и европейского Севера на Дальний Восток и в Среднюю Азию. Многим пришлось еще 5-7-10 лет работать в системе ГУЛАГА. По-прежнему очень большой остается проблема погибших в трудармейских лагерях НКВД. Государство пока не обнаружовало и эту цифру. Не могу допустить, что не было такого учета, ибо «Аргументы и факты» в № 45 за 1989 год дают сногшибательную статистику по ГУЛАГУ. «Бериевские учетки были скрупулезны в своих подсчетах. Они высчитывали своих заключенных и по возрасту, и по национальности, и по полу». Значит, эта цифра до сих пор засекречена или никто не хочет потрудиться, чтобы обобщить эти данные.

Н.Ф.Бугай в своем выступлении в 1993 году, о котором я уже упоминал, отметил: «Тяжелые условия пребывания обрekli 118 тысяч трудмобилизованных немцев на вымирание».

Из доклада начальника ОСП НКВД СССР М.Кузнецова народному комиссару МВД СССР С.Н.Круглову: «...численность спецпоселенцев в стране на начало октября 1945 г. (война уже кончилась - А. Д.) составляла 2 230 500 чел., из них: немцев 687 300 чел.» (Иосиф Сталин - Лаврентий Берии: «Их надо депортировать», стр. 237, 1992). Нетрудно заметить, что из общего числа спецпоселенцев на советских немцев приходится более одной трети. Причем цифра 687 300 человек, находящихся на спецпоселении на 1 октября 1945 года, складывается из выселенных немцев, немцев, находящихся в трудармии, «местных» немцев (не выселялись немцы Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Средней Азии, где до 1941 года проживало чуть более ста тысяч человек)

одна из самых страшных зон, где поморили тысячи и тысячи советских немцев. Не лучше содержали трудармейцев в Котласе, Воркуте, Челябинге, Ивдельлаге, Краслаге, Куйбышевлаге, Карагандалаге, Узбекской ССР, Удмуртской АССР, на шахтах Кемеровской области и в других местах. В этих лагерях, да и в некоторых других местах варварски относились к покойникам. С мертвых снимали все до нитки, потом сбрасывали их в заброшенные шахты, шурфы, траншеи, иногда копали неглубокие ямы, и немало примеров, когда зимой покойников штабелировали, затем бульдозерами сдвигали их в овраги, а весной трупы уносило в безвестность половодьем... Но даже в этих экстремальных условиях трудармейцы-немцы добросовестно относились к работе, что многократно отмечали в своих докладных записках различные чиновники ГУЛАГА НКВД СССР.

География трудармейских лагерей весьма обширна - от Коми АССР до бухты Ванино на Дальнем Востоке, даже на территории Монголии были трудармейские формирования. Я насчитал уже свыше двухсот лагерей и лагпунктов, но их, мне кажется, больше. Желательно бы иметь официальную статистику. После войны немцев-трудармейцев начали перебрасывать с Урала и европейского Севера на Дальний Восток и в Среднюю Азию. Многим пришлось еще 5-7-10 лет работать в системе ГУЛАГА. По-прежнему очень большой остается проблема погибших в трудармейских лагерях НКВД. Государство пока не обнаружовало и эту цифру. Не могу допустить, что не было такого учета, ибо «Аргументы и факты» в № 45 за 1989 год дают сногшибательную статистику по ГУЛАГУ. «Бериевские учетки были скрупулезны в своих подсчетах. Они высчитывали своих заключенных и по возрасту, и по национальности, и по полу». Значит, эта цифра до сих пор засекречена или никто не хочет потрудиться, чтобы обобщить эти данные.

Н.Ф.Бугай в своем выступлении в 1993 году, о котором я уже упоминал, отметил: «Тяжелые условия пребывания обрekli 118 тысяч трудмобилизованных немцев на вымирание».

Запрет на выбор места жительства российскими немцами был снят только в 1972 году Указом ПВС СССР от 3 ноября. И то формально, поскольку на самом деле существовали всякие скрытые препятствия на возвращение немцев в те места, откуда они были выселены, по-прежнему

сохранялись негласные ограничения на выбор профессии, на получение высшего образования, на высокие должности в партийных, советских органах и силовых структурах, в армии.

Собственно, российские немцы до сих пор полностью не реабилитированы ни в политическом, ни в социальном, ни в культурном отношении, несмотря на то, что еще парламент бывшего СССР осенью 1989 года принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав». Факт незаконности репрессий признан и парламентом России, принявшим два важных Закона - «О реабилитации и репрессированных народов» (26.04.91) и

«О реабилитации жертв политических репрессий» (18.10.91). Весь цивилизованный мир скорбит сегодня по многочисленным жертвам варварских репрессий тоталитарного режима бывшего Советского Союза. Российские немцы за период репрессий 20-30-х годов, выселения, трудармии и спецпоселения потеряли 40 процентов своей общей численности! Однако проходит год за годом, а законы эти практически не работают. К ним принимаются дополнения, изменения, постановления правительства, но воз и ныне там.

В 1994 году под сильным давлением Всероссийского фонда реабилитации, общечеловечности и самих репрессированных народов и граждан Россия наконец принимает ряд важных правительственных постановлений: 3 мая Постановлением № 419 утверждено «Положение о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий», 1 июня принимается Постановление № 616 «О погребении реабилитированных лиц в случае их смерти за счет государства», 12 августа премьер-министр подписал очень важное Постановление № 926 «Об утверждении Положения о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятюго или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации. Но, оказывается, Закон, Постановление, Инструкция еще не руководство ко действию для министерств, их низовых структур, местных органов власти. Это в сталинские времена действовали быстро еще до подписания законов и постановлений. А сегодня никто не спешит выполнять любые приказания. Да и сами эти документы написаны по принципу замкнутого круга. По-прежнему идет огромный поток писем, жалоб. И уж вовсе нет никакой надежды на то, что кому-то удастся получить свое конфискованное имущество или компенсацию за него.

(Печатается с сокращениями) DAZ. Nr.1 / 7.01.1995

KARLAG

GESCHICHTE, DIE NICHTS VERSCHÖNERT

Das nordkasachische Karaganda ist in der gesamten Republik als ein ehemaliger Schmelztiegel intellektueller Tendenzen bekannt. Die Geschichte dahinter ist jedoch keine mondäne, sondern die um eines der größten Arbeitslager der ehemaligen Sowjetunion – das Karlag.

Othmara Glas

■ Führt man von Almaty nach Astana, kommt man an Karaganda vorbei. Die Stadt mit rund einer halben Million Einwohnern liegt mitten in der zentralkasachischen Steppe und etwa drei Autostunden von Astana entfernt. Eigentlich gibt es in der Bergarbeiterstadt nicht viel zu erleben: Mit einem Spaziergang auf der Hauptstraße hat man das Wichtigste bereits gesehen und fragt man die Jugend, was man in Karaganda unternehmen könne, erhält man „nicht viel“ als Antwort. Für Ausländer mag die sowjetische Architektur der Stadt noch interessant sein. Karaganda wirkt wie aus der Zeit gefallen – ein Musterbeispiel sowjetischer Stadtplanung. Allerdings verirren sich nur wenige Touristen in die Stadt, und wenn nur, weil sie vom Karlag gehört haben.

Robin Roth arbeitet als Sprachassistent beim Sprachlernzentrum des Goethe-Instituts in Karaganda. Die „international community“ ist klein, man kennt sich. Aber Robin ist zufrieden: „In der Stadt gibt es alles Lebensnotwendige, sodass man auch als Deutscher da gut leben kann.“ Auch er bestätigt, dass die meisten Besucher wegen des Karlags in die Stadt kommen.

Das Museum beschönigt nichts

Das Karlag war der kasachstanische Teil des Gulag-Systems und eines der größten Arbeitslager in der Sowjetunion. Circa eine Autostunde von Karaganda entfernt, im Ort Dolinka, erinnern eine Gedenkstätte und ein Museum an das grausame System. Das

Lager wurde 1931 geöffnet. Ende der 1940er Jahre waren dort mehr als 65.000 Menschen untergebracht.

Das Museum beschönigt nichts. Es präsentiert nicht nur die Geschichte sowie nüchterne Zahlen, die Gestaltung des Museums selbst ist bedrückend. Die Gänge erinnern an ein Gefängnis, die Wände sind rot, an die Decke sind Teile des Himmels gemalt, darüber ein Gitter. Bei einer Tour durch das Gebäude sieht man Gefängniszellen, persönliche Gegenstände und Briefe

Bild: Othmara Glas

Der Gang durch das Karlag-Museum ist bedrückend. Die Gitter an der Decke erinnern daran, wie den Gefangenen im Arbeitslager ihre Freiheit genommen wurde.

von Häftlingen, die Büros der Administration. Einzelne Räume des Museums erinnern an die verschiedenen Gruppen, die im Karlag gefangen waren: Künstler, Wissenschaftler, Gelehrte, die verschiedenen Nationalitäten, Frauen und Kinder, die im Sonderlager ALSCHIR interniert waren.

Auch der Schriftsteller Alexander Soltschenizyn, Autor von „Archipel Gulag“ war dort inhaftiert. Die meisten wurden zur Minen- und Feldarbeit abgestellt. Inhaftierte Wissenschaftler erforschten jedoch und entwickelten sogar neue Pflanzenarten. Das Museum informiert auch über die Subkulturen im Lager.

Kasachstan litt unter stalinistischem Terror

Die Deportationen nach Kasachstan werden ebenfalls thematisiert. Bereits 1936 und 1937 wurden vor allem Polen aus der Westukraine sowie Koreaner nach Kasachstan deportiert. Nach dem Ausbruch des Krieges in der Sowjetunion 1941 folgten Deutsche, Balten, Tataren sowie etliche andere Volksgruppen. Insgesamt wurde knapp eine halbe Million Deutsche nach Kasachstan deportiert. In Karaganda gab es zudem ein Sonderlager für deutsche Kriegsgefangene.

Das Museum zeigt auch die Geschichte Kasachstans und wie die Sowjetrepublik unter dem stalinistischen Terror litt. In Europa ist weitgehend unbekannt, dass der Holodomor zu Beginn der dreißiger Jahre nicht nur Millionen Ukrainer das Leben kostete, sondern auch rund zwei Millionen

Kasachstanern in den Tod riss. 1959 wurde das Lager geschlossen. Danach wurde das Gebäude der Lagerverwaltung für administrative Aufgaben benutzt. 2001 eröffnete schließlich das Museum.

Nicht nur Geschichtsinteressierte sollten erwägen, Karaganda einen Besuch abzustatten. Die Überbleibsel aus der Sowjetzeit und das Karlag-Museum machen die Stadt zu einem Ziel, das Kasachstan von einer anderen Seite als die Metropolen Almaty und Astana zeigt. ■

Bild: Othmara Glas

Denkmal für die Bergarbeiter. Noch heute ist der Kohleabbau ein wichtiger Industriezweig und Arbeitgeber in der Region.

«ЧЕРНЫЕ КНИГИ» ОЧЕВИДЦЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ТРАГЕДИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

www.rusdeutsch.ru

5 лет работы большой команды Международного союза немецкой культуры

20 научных статей на русском и немецком языках

58 документов, таблиц и карт на русском и немецком языках

195 биографий и воспоминаний о депортации, трудовой армии и спецпоселении

374 исторических фотографий и картин

1056 страниц о жизни немцев в СССР в 1941–1956 гг.: правдиво и достоверно

«ВЫСЕЛИТЬ С ТРЕСКОМ»

«... В РАБОЧИЕ КОЛОННЫ НА ВСЁ ВРЕМЯ ВОЙНЫ»

«НАВЕЧНО, БЕЗ ПРАВА ВОЗВРАТА»

Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев: Сб. науч. статей и воспоминаний. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МСНК-пресс, 2016. – 352 с.

Очевидцы и исследователи о немцах в трудовой армии: Сб. науч. статей и воспоминаний. М.: МСНК-пресс, 2012. – 352 с.

Очевидцы и исследователи о немецком спецпоселении в СССР: Сб. науч. статей и воспоминаний / Под ред. А.А. Германа, О.Ю. Силантьевой. М.: МСНК-пресс, 2015. – 352 с.

DEUTSCHE ALLGEMEINE ZEITUNG - IMPRESSUM:

Доверительный управляющий – Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение»

Главный редактор: Олеся Клименко
ifa-редактор: Юлия Бокслер
Практиканты: Сабрина Кашовиц, Пауль Тётцке, Алиса Чикмакова

Технический редактор: Вероника Лихобабина
Литературные редакторы: Лариса Гордеева, Евгений Гильдебранд

Адрес редакции: 050051, Алматы, Самал-3, 9, Немецкий Дом
Тел./факс: +7 (727) 263-58-06/08
E-mail: daz.almaty@gmail.com

Газета поставлена на учет в Министерстве информации РК.
Свидетельство о постановке на учет № 1324-Г от 14.06.2000 г.
Тираж 1000 экз. Заказ № 4027.
26 августа 2016 г. № 35 (8853).
Периодичность – 1 раз в неделю.

Отпечатано в типографии ТОО РПИК «Дәуір» г. Алматы, ул. Калдаякова, 17, т. 273-12-04

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право редактирования и публикации присланных материалов.

Bevollmächtigter Herausgeber – Ассоциация der gesellschaftlichen Vereinigungen der Deutschen Kasachstans „Wiedergeburt“

Chefredakteurin: Olesja Klimenko
ifa-Redakteurin: Julia Boxler
Практикантinnen: Sabrina Kaschowitz, Paul Toetzke, Alissa Tschikmakowa

Technische Redakteurin: Veronika Likhobabina
Korrektoren: Larissa Gordejewa, Eugen Hildebrand

Adresse: Samal-3, 9, Deutsches Haus, 050051, Almaty
Tel.: +7 (727) 263-58-06/08
E-Mail: info@deutsche-allgemeine-zeitung.de

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 65414

Registration: Ministerium für Information der Republik Kasachstan.
Registrations-Nr. 1324-G vom 14.06.2000.
Auflage: 1000. Auftrags-Nr. 4027.
26. August 2016. Nr. 35/8853.

Druckerei: TOO RPIK „Daur“, Almaty, Kaldajakow-Straße 17, 273-12-04

Die Meinung der Redaktion stimmt nicht in jedem Fall mit der Meinung der Autoren überein. Für den Inhalt von Anzeigen übernimmt die Redaktion keine Haftung. Unter Verwendung in- und ausländischer Agenturen.